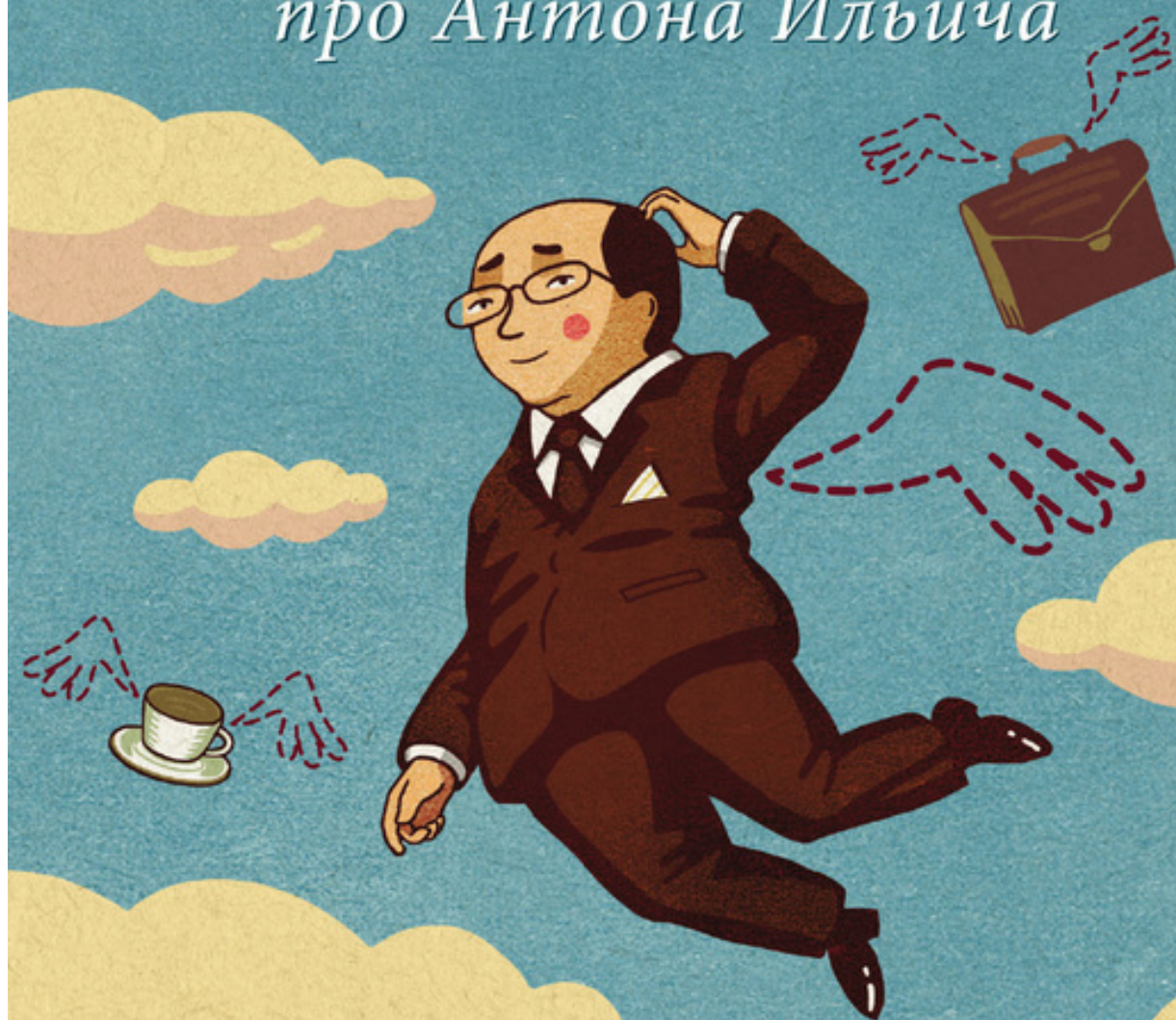

Сергей и Дина
Волсини

Весёлые истории

про Антона Ильича

Современная русская проза

Сергей и Дина Волсини

**Веселые истории про
Антон Ильяча (сборник)**

«Волсини Сергей Николаевич»

2012

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)

Волсини С.

Веселые истории про Антона Ильича (сборник) / С. Волсини —
«Волсини Сергей Николаевич», 2012 — (Современная русская
проза)

ISBN 978-5-9902212-2-2

СБОРНИК Антон Ильич, холостяк сорока пяти лет, на первый взгляд, типичный «маленький человек» нашей современности. Его отличительной чертой являются редкие сегодня, старомодные качества: он порядочен, интеллигентен, романтичен и нетороплив. Про таких говорят «ему бы в позапрошлом веке родиться». Но Антон Ильич живет в наше время, стремительное и прагматичное, и его необычный нрав то мешает ему, то помогает, но всегда ставит в смешные и нелепые ситуации, из которых ему предстоит найти выход. ПОВЕСТЬ «БАБНИК» Очаровательная брюнетка Александра внезапно врывается в жизнь Антона Ильича и изливает ему душу, приняв за психолога. Не в силах отказать девушке, попавшей в беду, Антон Ильич соглашается на эту роль, для чего берет уроки у своего приятеля, настоящего профессионала, и вскоре погружается в мир психоанализа и эзотерики. Задумчивые беседы с красавицей рожают в нем глубокое чувство, но в момент, когда Антон Ильич решает открыться ей, все идет кувырком: за ним начинается слежка, на работе сплошные неприятности, а Александра, похоже, совсем не та, за кого себя выдает...

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)

ISBN 978-5-9902212-2-2

© Волсини С., 2012

© Волсини Сергей Николаевич, 2012

Содержание

Рассказы	7
Простые чувства	7
Назначение	10
Розы	14
Столичные привычки	18
У врача	22
Сладкий ноябрь	26
Ужин	29
Гроза	32
Дело особой важности	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей и Дина Волсини

Веселые истории про Антона Ильича

© Сергей и Дина Волсини, 2012

© Иллюстрации и дизайн обложки Сергей Николаев, 2012

* * *

Рассказы

Простые чувства

Ласковое стамбульское солнышко как нельзя лучше соответствовало радужному настроению Антона Ильича, прибывшего сюда накануне по делам фирмы.

В Москве весна в этом году выдалась поздняя, а здесь солнце грело хоть и нежно, но уже вполне ощутимо, деревья выпустили молодую светло-зеленую листву и кое-где даже цвели густыми бело-розовыми бутонами, а воздух был наполнен той восхитительной свежестью, какая случается лишь весной, когда все кругом пробуждается и оживает.

Лет Антону Ильичу было ровно сорок пять. Роста он был не маленького, но и не слишком высокого, сложением крепок и немного полноват, за очками в тонкой золоченой оправе скрывались глубоко посаженные глаза и густые, никак не сочетающиеся с давно лысевшей головой, раскидистые брови. В галстук, в начищенных до блеска ботинках и с кожаным портфелем в руках, Антон Ильич вполне соответствовал образу современного делового человека, каких сейчас в России великое множество.

Руководителем московского представительства он стал всего два месяца назад и за это время должность свою успел полюбить всей душой, ибо требовала она от него не многого и позволяла жить в спокойствии и в достатке. К тому же новое назначение принесло Антону Ильичу и блага совершенно не материального характера: бывшие коллеги, а ныне его подчиненные, стали относиться к нему, как он теперь отмечал, гораздо уважительнее – называли его по имени отчеству, а порой, случалось, даже лестили. Словом, никогда еще Антон Ильич не чувствовал себя на службе так уютно, как теперь.

Вот и сегодняшняя встреча прошла весьма удачно. Гостеприимство турецких партнеров и истинно азиатская привычка говорить долго и не по существу превратили переговоры в обильное застолье, затянувшееся на часы.

Оксана переводила бойко и энергично. Казалось, волнуяще-приподнятое настроение Антона Ильича передалось и ей – с лица девушки не сходила улыбка, время от времени она звонко хохотала над шутками мужчин, игриво запрокидывая голову, кокетничая одновременно и с турками, и с Антоном Ильичем, пользуясь положением единственной дамы в компании сильного пола. Сегодня она нравилась Антону Ильичу еще больше. Он почти физически ощущал силу ее безудержного темперамента. Бурлящая в ней молодость, заключенная в рамки строгого делового костюма серого цвета, готова была вот-вот вырваться наружу могучим потоком и поглотить в себе все, что попадалось на ее пути. Такая девичья хрупкость и вместе с тем уверенная готовность взять от жизни все, присущая юности, будоражила воображение Антона Ильича и рождала в его голове самые смелые планы.

– Жду Вас в шесть, как договорились, – негромко промурлыкал он по окончании переговоров, слегка приобняв Оксану со спины и с удовольствием отметив, как румянец стал заливать лицо смутившейся девушки.

Не в силах оставаться один в номере душного отеля, Антон Ильич вышел к набережной. Времени до свидания оставалось предостаточно. Улицы еще не успели покрыться летней пылью, и в воздухе не было липкой духоты, свойственной всем большим городам в жаркое время года. Соскучившийся за долгую московскую зиму по солнцу Антон Ильич радовался теплу как ребенок.

Спустившись к пляжу и шагая теперь по влажному песку, он вновь вернулся мыслями к предстоящей встрече с Оксаной и в сотый раз проговорил про себя давно заготовленные слова. Перед глазами возникло ее умное внимательное лицо и тонкая загорелая шея, ускользающая в воротник белой блузки... И такая нежность вдруг охватила Антона Ильича, такое чувство безграничной любви ко всему, что его окружает, и к этому по-весеннему теплему ветру, и к этому безбрежному морю, и к этим чужим совсем людям, прогуливающимся вокруг! Стоя у самого берега, где шум набегающих волн смешивался с голосами резвящихся у моря детей, Антон Ильич испытывал то редкое чувство умиротворения и единения с природой, когда ты сам и все твое теперешнее существование становится таким мелким и незначительным и, напротив, в каждой песчинке, в каждом дрожащем лепестке вдруг видится необыкновенный, скрытый доселе смысл. Ах, если б можно было оторваться от земли! Разбежаться по волнам и подняться ввысь, прямо к солнцу, к его искрящимся лучам, окунуться в теплоту оранжевого светила и почувствовать на своих щеках нежное прикосновение румяного багрянца! Ловить сверкающие капли солнечного дождя, подставив лицо под струящиеся потоки света, нежные и бархатистые, обволакивающие и поднимающие все выше и выше!

Звонок телефона вернул его на землю.

– Что ж, в семь – так в семь, жду Вас, Ксаночка, – улыбнулся в трубку Антон Ильич. Ничто сейчас не могло испортить его настроения, безоблачного, как чистое стамбульское небо.

Без четверти семь Антон Ильич уже сидел за столиком ресторана, расположенного на самом верху двадцатизэтажной башни в деловом центре города. Отсюда сквозь широкие, во всю стену окна открывался великолепнейший вид на Босфор. Солнце золотило верхушки скалистых гор по обоим берегам пролива, белоснежные лайнеры величественно скользили по воде, сокращая до нескольких минут извечное расстояние между Европой и Азией.

Антон Ильич заказ виски. Ему здесь определенно нравилось. Пожилые музыканты в национальных одеждах ненавязчиво исполняли старинные, по-восточному неторопливые мелодии. Огромный букет белых роз, приготовленный для Оксаны, был заботливо установлен в вазу услужливыми официантами. Сам Антон Ильич в эти минуты источал такое безмятежное довольство собой и всем, что его окружало, что временами напоминал сытого кота, в блаженстве жмурившегося на солнце.

Так прошло не менее часа. Оксаны все не было. Ресторан между тем наполнялся посетителями, в основном приезжими иностранцами, и до Антона Ильича отовсюду доносился смех и обрывки фраз на самых разных языках. Официанты задвигались быстрее и суетливее. Повсюду на столах зажглись свечи, за окнами начинало темнеть.

На город стремительно опускались сумерки.

Боясь растерять свои мысли в отвлекающем шуме, Антон Ильич вышел на панорамную площадку в надежде полюбоваться вечерним пейзажем. Его сразу обдало холодным ветром. Под темнеющим небом воды Босфора казались особенно темными и пугающе глубокими. Закат здесь выглядел совсем не так красочно, как представлял себе Антон Ильич. Вместо заливистых красно-оранжевых лучей, на него смотрело плоское, величиной с крупную тарелку, совершенно белое солнце, одиноко повисшее на сумеречном небосклоне. Антон Ильич поспешно вернулся за столик и заказал себе еще виски...

Тем временем веселье в ресторане набирало обороты.

Музыкантов на сцене сменили молодые артисты, на всю мощь зазвучали мотивы популярных песен, время от времени заглушаемые голосами хмелеющей и разгоряченной публики. Многие принялись танцевать. Нескладные немки и худосочные англичанки виляли бедрами под ритмы Таркана и улюлюканье своих нестареющих кавалеров. Мимо Антона Ильича непрерывно проносились какие-то лица, то танцующих пар, то спешащих к столикам официантов.

От мелькания светомузыки рябило в глазах, голова слегка кружилась, все звуки слились в один непрерывный скрежет саксофона, направленного, как казалось Антону Ильичу, прямо в его левое ухо. Он ощущал себя в центре какой-то шумной карусели, несущейся неизвестно куда, и плохо понимал, что происходит. Внезапно возникшая напротив него Оксана словно не замечала его состояния. Она по-прежнему улыбалась во весь рот и, перегнувшись через весь стол, что-то говорила ему, пытаясь перекрыть оглушающие звуки музыки. Антон Ильич не различал ни единого слова, но улыбался и кивал, отмечая про себя с удивлением, что теперь Оксана казалось ему гораздо старше.

От утренней свежести не осталось и следа, под глазами легли темные круги, и ее загорелое лицо почему-то приобрело землистый оттенок.

Она не останавливалась ни на секунду, то что-то заказывая официанту то принимаясь за очередное блюдо, попутно что-то рассказывая, смеясь и размашисто жестикулируя, то вкладывая в руку Антона Ильича бокал и заставляя его в который раз чокаться и пить до дна. В какой-то момент он обнаружил ее танцующей с седовласым немцем с соседнего столика. Плывающие в бликах свечей лица никак не давали ему разглядеть, была ли это в точности Оксана, и Антон Ильич уже хотел было встать и направиться к ним, но уже в следующее мгновение ее лицо снова оказалось напротив, и снова в ее глазах заплясали тысячи огоньков, мешая ему сосредоточиться.

Временами Антон Ильич чувствовал, что все идет как-то не так, неправильно, ведь он здесь затем, чтобы сказать Оксане что-то чрезвычайно важное.

– Ксаночка, я хотел Вам сказать... Не знаю, что Вы на это скажете... Послушайте, Ксаночка, дорогая моя...

Но что именно он собирался сказать, Антон Ильич вспомнить не мог, как ни старался. Мысли путались, терялись вовсе, появлялись вновь и снова прерывались чьим-то хохотом. От напряжения разболелась голова. Оксана продолжала есть и что-то ему говорить, но он уже не слушал, сидел без движения, опустив голову и глядя прямо перед собой.

Внезапно на него навалилась необычайная усталость. Ему страшно надоел весь этот балаган, это одуряющее веселье под дребезжащую музыку, эта удушливая духота, эти пьяные иностранцы повсюду и вечно жующее лицо Оксаны...

Тогда Антон Ильич решительно встал, шатаясь, прошел к выходу, спустился вниз, повалился в такси и поехал в отель. Спать.

Назначение

Часы уже давно перевалили за полночь, а Антон Ильич так и не сомкнул глаз.

Вот уже битых два часа он ворочался с боку на бок, изо всех сил стараясь забыться и заснуть, но все безуспешно. Сон не шел. Из головы не выходило завтрашнее выступление. И как бы Антон Ильич ни готовился, как бы ни репетировал и сколько бы ни уговаривал себя, что, дескать, волноваться-то особенно не о чем, все уже сказано-пересказано тысячу раз, и мол, не впервой ему держать речь перед широкой публикой, но... беспокойство, впервые поселившееся в его душе в прошлый вторник и не отпускавшее его с той самой поры ни на секунду, теперь, в ночь перед роковым днем, стало совершенно невыносимым.

О том, что Антон Ильич возглавляет список основных докладчиков на предстоящем закрытом заседании членов правления, ему сообщил сам Алексей Евсеич, прозванный за спиной Утесом за грозный нрав и неприступный вид. Характер Алексея Евсеича порою и впрямь был суровым: вспыльчивый и громкогласый, он легко приходил в ярость, и не дай бог в такие минуты оказаться на его пути – в выражениях он не стеснялся и виноватых не щадил. Хотя в остальном, говорят, был справедлив и за дело болел душой. Антон Ильич, однако, несмотря на свой теперешний статус, побаивался его по-прежнему, в присутствии его робел и предпочитал не оставаться с ним с глазу на глаз.

Так случилось и во вторник. Антон Ильич разволновался до такой степени, что, спроси его минуту спустя, о чем в точности говорил Алексей Евсеич, он вряд ли бы ответил. Помнил лишь, что выступать ему предстоит самым что ни на есть первым и что в присутствии обещает быть начальство весьма высокопоставленное, а потому, если только Антон Ильич не ослышался, его выступление, пройди оно удачно, станет для него возможностью вскорости получить новое назначение.

Будучи человеком неглупым и по истине деликатным, Антон Ильич счел неуместным выяснять, какое именно назначение имел в виду Алексей Евсеич. Не в его характере было снимать шкуру с неубитого медведя. Одно было ясно и так: предстоящий доклад был для него не просто важным, а в некотором смысле решающим, и потому Антон Ильич принялся за его подготовку со всей серьезностью и ответственностью, на какую только был способен.

Следующие два дня Антон Ильич посвятил составлению текста. Он кропотливо собирал данные, уточнял все, даже малозначительные на первый взгляд факты, сверял цифры. Одним словом, погрузился в работу с головой, и мысли не покидали его ни днем, ни ночью. Всем своим видом – задумчивым и отрешенным – Антон Ильич демонстрировал такую степень занятости и напряженной деятельности, что подчиненные, и без того относившиеся к нему с большим уважением, теперь и вовсе остерегались беспокоить его своими вопросами.

К пятнице доклад был готов. И лишь одно огорчало Антона Ильича: на этот день было назначено торжество, посвященное юбилею компании, которое он не имел права пропустить. И так прикидывал Антон Ильич, и эдак – но нет, за весь день ему так и не удалось изыскать объяснения, достойным образом оправдавшего бы его отсутствие на празднике. Когда Антон Ильич наконец понял, что деваться ему некуда и на вечер идти все-таки придется, он принялся успокаивать себя тем, что впереди у него целые выходные – времени предостаточно, чтобы как следует порепетировать.

Но было еще одно обстоятельство, крайне беспокоившее Антона Ильича. Людочка, его секретарша, доставшаяся по наследству от предыдущего директора, в последнее время вела себя совершенно недвусмысленно и несколько даже вызывающе. Антон Ильич имел все основания считать, что именно в эту пятницу ему предстоит отразить очередной натиск Людочкиного благорасположения.

– Постарайтесь понять, Людмила Григорьевна, – попытался объяснить накануне Антон Ильич, – быть директором далеко не так просто, как это может показаться со стороны. Положение вынуждает меня соблюдать дистанцию.

Людочка приблизилась к нему, сократив расстояние между ними до минимума, так, что выступающие части ее тела оказались прямо перед носом сидящего в кресле Антона Ильича.

– Вы будете завтра на вечере, Антон Ильич? – промурлыкала она, как ни в чем не бывало.

– Обязан-с.

Вечер тянулся мучительно долго. Занятый своими мыслями, Антон Ильич наблюдал за всем происходящим словно в тумане – ни в чем не участвовал, ничего не говорил и временами вообще забывал, где он находится. Ему все никак не удавалось отделаться от мысли, что он понапрасну тратит драгоценное время. К тому же ему начало казаться, что до понедельника оставалось не так уж много времени, а несколько глав его доклада были еще совсем сырыми и требовали тщательной доработки. От всех этих размышлений Антон Ильич места себе не находил и потому был несказанно рад, когда удобный случай позволил ему покинуть шумное заведение, ни с кем не прощаясь и не привлекая к себе особого внимания. Окончательно успокоился Антон Ильич только когда вошел в дом, запер дверь получше и отключил все свои телефоны.

Ничто теперь не могло отвлечь его от важных приготовлений.

И вот...

Дрожащей рукой Антон Ильич отворил тяжелую деревянную дверь и вошел в зал. Странно, помещение показалось ему незнакомым. Просторное, освещенное неестественным белым светом ламп, оно вмещало в себя огромное число слушателей – намного больше, чем предполагал Антон Ильич.

Не чувствуя собственных шагов, подгоняемый тишиной замершей в ожидании публики, он прошел сквозь ряды и очутился на сцене. Лампы здесь светили особенно сильно, и Антону Ильичу показалось, что под их яркими лучами даже мысли в его голове просвечивались насквозь.

Усилием он заставил себя улыбнуться, коротко поклонился, при этом встретившись взглядом с Алексеем Евсеичем, восседавшим напротив, прямо посередине первого ряда.

– Уважаемые дамы и господа, – начал было Антон Ильич до боли заученную речь, но с первых же слов понял, что в зале не слышали ни звука.

– Уважаемые дамы и господа, – повторил он более энергично, но звук не шел. На него по-прежнему смотрели десятки нетерпеливых глаз, ожидающих наконец что-нибудь услышать.

«Что-то с микрофоном», – пронеслось в голове Антона Ильича. На мгновение он растерялся. Затем взял себя в руки, наигранно пожал плечами, изобразив на лице крайнее удивление. Поправил микрофон, произнес что-то, но нет, его по-прежнему не слышат. Попробовал еще, постучав по микрофону, и еще раз, – нет, никакого эффекта. Антон Ильич заволновался не на шутку. Он оглянулся по сторонам, словно призывая кого-то на помощь из глубины сцены, но там, по-видимому, никого не было.

Зал между тем зашевелился. Какой-то седой господин в правом ряду размахивал руками, вероятно, подсказывая что-то Антону Ильичу. С разных сторон до него стали доноситься голоса, советовавшие что-то. Гул в зале нарастал.

Окончательно растерявшийся Антон Ильич выпустил наконец из рук микрофон, сошел с подиума и попытался было успокоить публику, как вдруг на всю аудиторию зазвенел резкий, оглушительный звонок. Антон Ильич опомниться не успел, как слушатели наперегонки ринулись к дверям, словно школьники, едва дождавшиеся окончания урока. Антон Ильич в ужасе

смотрел на эту сцену. Пронзительный звон дребезжал не переставая. «Это конец», – подумал Антон Ильич.

В это мгновение он увидел впереди широкую спину Алексея Евсеича, направлявшегося к выходу вместе со всеми. Поняв, что это последняя возможность спасти положение, Антон Ильич кинулся за ним.

– Утес Евсеич! Фу ты, господи... Алексей Евсеич! Подождите! – отчаянно кричал Антон Ильич, пытаясь пробраться к Алексею Евсеичу сквозь толпу.

– Алексей Евсеи-и-ич! – Он и сам почти не слышал собственного голоса.

Последним, что увидел Антон Ильич, было обернувшееся к нему лицо Алексея Евсеича, угрюмое и недовольное...

Антон Ильич сел в постели. Сердце бешено колотилось. В горле пересохло. Он с размаху ударил ладонью по будильнику, звон наконец прекратился.

«Какой неприятный однако сон», подумал Антон Ильич, немного успокоившись. – «Это же надо присниться такому, да еще прямо перед выступлением». Поразмыслив так еще несколько минут, Антон Ильич решительно откинул одеяло. Пора было вставать.

Чувствовал себя Антон Ильич прескверно.

Вероятно, весь его облик явственно отображал муки бессонной ночи и переживания последних дней, потому что при виде него неизменно улыбочное лицо Людочки скривилось от жалости и сострадания.

– Что с Вами, Антон Ильич? – в ее голосе слышались слезы. – И где Вы пропадали все выходные? Я Вас искала...

– После, Людочка, после, – Антон Ильич попытался отмахнуться от нее и проскользнуть в свой кабинет, но Людочка не сдавалась.

– Дома Вас нет, мобильный выключен! Что случилось?

– Людочка, миленькая, – раздраженно ответил Антон Ильич, – Вы же прекрасно знаете, через час у меня заседание. Позвольте...

– Так ведь отменили заседание! – перебила его Людочка.

Антон Ильич остановился и посмотрел на нее в недоумении.

– То есть как отменили?

– Так! Им, – Людочка закатила глаза вверх, – пришлось срочно лететь в Париж, по каким-то там делам. Так что все переносится на неопределенный срок. Нам еще в пятницу сообщили.

– Как в пятницу? Когда в пятницу?

– Так. В пятницу на вечер. Мы и письма уже всем разослали. Я потому Вас и искала, хотела предупредить, так Вы ведь...

В это время дверь соседнего кабинета с треском распахнулась, и из нее, шумно отдавая распоряжения в телефонную трубку, вышел Алексей Евсеич. Людочка мгновенно метнулась к своему столу, а Антон Ильич, ошеломленный новостью, замер на месте, не в силах пошевелиться.

– А – а, Антон Ильич! Приветствую! – прогремыхал Алексей Евсеич.

Антон Ильич беззвучно пошевелил губами и кивнул.

– Видите, как у нас все получилось. Перенесли на неопределенный срок. Эх, а мы тут так старались, – развел руками Алексей Евсеич. – Ну что поделаешь. Человек, как говорится, предполагает... Эх! Ну да ладно. Людочка! Меня сегодня не будет.

Алексей Евсеич направился было к выходу, на ходу застегивая плащ, но что-то заставило его обернуться и подойти к Антону Ильичу, продолжавшему стоять с выражением то ли досады, то ли крайнего удивления на лице.

– Да не переживай ты так, Антон Ильич, – сказал Алексей Евсеич тише обычного и тяжело похлопал Антона Ильича по плечу, отчего тот еще больше ссутулился и обмяк. – Пока все остается, как есть, но будет еще удобный случай и...

– Ну как же, Алексей Евсеич, – едва слышно пробормотал Антон Ильич.

– Я своих слов не забываю, ты же знаешь. Договорились? Вот и молодец!

С этими словами Алексей Евсеич энергично прошагал к выходу и скрылся за дверями.

Еще некоторое время Антон Ильич стоял неподвижно на прежнем месте, глядя прямо перед собой, словно что-то напряженно обдумывая. Затем неуверенно тронулся к выходу. У дверей остановился, обернулся, огляделся вокруг, будто проверяя, не забыл ли чего, и наконец очутился на улице.

«Дождик закончился», – машинально отметил он про себя и побрел вдоль улицы по непросохшему еще асфальту.

Куда он направлялся и зачем, Антон Ильич и сам не знал. Мимо него плавно проносились трамваи. То справа, то слева его то и дело обгоняли прохожие, спешащие по своим делам. А Антон Ильич все шагал, уныло глядя куда-то вдаль, не замечая ни луж под ногами, ни людей вокруг. Торопиться ему было некуда.

Постепенно произошедшее утром начинало обретать смысл.

Нельзя сказать, что Антона Ильича так уж огорчило это несостоявшееся назначение, как показалось давеча Алексею Евсеичу. Да и как можно расстраиваться, не зная в точности, чего ты только что лишился. Скорее он испытывал обиду и, быть может, разочарование из-за того, что все его хлопоты оказались напрасны.

«А ведь как готовился, как старался, – в сердцах думал Антон Ильич, – все дела отменил, ничем больше не занимался. И вот, пожалуйста!» – Антону Ильичу стало жаль себя до слез.

С другой стороны, Антон Ильич не мог не признать самому себе, что в глубине души он ощущал необыкновенную радость. Одна только мысль, что все так или иначе завершилось и что не придется более открывать до смерти надоевший ему доклад, заставляла его сердце радостно трепетать. Ему все еще отчего-то не верилось, что все уже позади, но в душе он уже чувствовал какую-то невероятную легкость.

Беспокойство, преследовавшее Антона Ильича последние дни, стало ослабевать.

Он поднял голову и посмотрел по сторонам. Утро, встречавшее серым морозящим дождем, теперь уже совсем отступило. Влажная еще зелень блестела в лучах солнца жемчужными каплями, воздух наполнялся ароматами свежести. День обещал быть великолепным. Была поздняя весна, такая случается в городе после затянувшейся снежной зимы.

«А ведь я словно и не жил все это время, – подумал Антон Ильич. – Ведь и снег уже совсем сошел, и деревья распустились. А тепло-то как!»

«Неужели для того только мы родились, чтобы доклады читать да на работу ходить, – продолжал он про себя. – Так ведь и жизнь не мудрено упустить. Сегодня солнца не заметил, а завтра вся весна пройдет мимо и уже никогда, никогда не вернется...»

Размышляя так, Антон Ильич все больше переполнялся радостью и восторгом. Будущее почему-то рисовалось ему непременно замечательным. На сердце стало легко и спокойно, он чувствовал, что впереди его ожидает еще множество приятных событий.

Незаметно для себя он прибавил шаг. Плечи распрямились, портфель с ненавистным докладом внутри как-то сам по себе полегчал и уже не тянул к земле непомерной тяжестью. И вот уже, пересекая очередную лужицу, Антон Ильич молодецково подскакивает, а потом, помогая себе уверенным размахом обеих рук, легко перепрыгивает еще одну и другую...

Давно уже он не чувствовал себя таким свободным и по-настоящему счастливым.

Розы

Две русские девушки, или «those two Russian ladies»¹, как их за глаза называл весь персонал отеля, произвели на курорте настоящий фурор.

Обе они и впрямь были красавицами.

Высокие, изящно сложенные, загорелые, будто приехали на море не из снежной российской зимы, а выпорхнули из какого-то райского уголка, одна – блондинка с большими карими глазами, другая – брюнетка с шелковистыми волосами до плеч. Обе были чудо как хороши и, по всей видимости, прекрасно об этом знали. Присутствие одной ни в коей мере ни умаляло достоинств другой, как это часто бывает, напротив, они выгодно дополняли друг друга, а их манера всюду появляться вместе делала их еще ярче и еще заметнее.

К завтраку они выходили поздно, всегда в изысканных туалетах и на каблуках, к обеду отправлялись на пляж или устраивались у бассейна, непременно в окружении кавалеров, каждый раз новых, громко разговаривали, веселились и хохотали от души, угощались коктейлями и изредка заходили в воду, ну, а вечерами пропадали в ближайших заведениях, развлекаясь до упаду и возвращаясь в отель лишь под утро. По всему было видно, что чувствовали они себя здесь как дома. Если для всех остальных это были всего несколько дней отдыха от повседневных трудов и забот, когда за каких-то десять-двенадцать суток нужно успеть насытиться ароматами лета и упиться лучами солнца, словом, отдохнуть так, что б надолго хватило, то для двух красавиц такое времяпрепровождение было, казалось, вполне привычным и даже будничным.

Злые языки рассказывали, будто брюнетка была женой «нового русского», который отправил супругу на отдых месяцев эдак на пять-шесть, а чтобы ей было не скучно путешествовать одной, пригласил блондинку, ее подругу, составить жене компанию. Кое-кто категорически не соглашался с этой версией и уверял, будто бы девицы эти – на содержании местного арабского шейха.

Как бы там ни было, поклонников у девушек было хоть отбавляй. Всюду, где бы они не появились, они тут же приковывали к себе внимание окружающих. Официанты были к ним внимательны до тошноты, казалось, любой из них считал за честь хоть чем-то угодить одной из них – придержать ли дверь, поднести ли зажигалку или, поймав на себе случайный взгляд, слащаво улыбнуться. Сильный пол из числа отдыхающих – джентльмены свободные или считающие себя таковыми – проявляли к красавицам живейший интерес. Те из них, кто были здесь с семьями, наблюдали за ними исподтишка, те, кто посвободнее и посмелее, действовали в открытую.

Соотечественники переполнялись гордостью за красоту российской нации, а блеклые, все на одно лицо европейки переглядывались и качали головами, дескать, да, на сей раз русские превзошли сами себя.

Антон Ильич не был исключением из правил.

Нет, он не стремился стать одним из их кавалеров, пусть даже на время. Тем не менее, то ли от скуки, то ли из любопытства, очень скоро он знал о них все, что было известно обществу отдыхающих.

Девушек с такой внешностью да еще с такой репутацией Антон Ильич опасался да и, честно признаться, никогда не встречал. Однако по всему выходило так, что девицы сами обращали на себя его внимание. С чего все началось, Антон Ильич теперь уже и сам не помнил. То ли с платка, оброненного брюнеткой и мгновенно поднятого с земли Антоном Ильичем. То ли с обеда в прибрежном ресторане, где официант наотрез отказывался понимать, чего от него

¹ Те две русские леди (англ.)

требует надменная Russian lady, а Антон Ильич, свободно владеющий английским, услужливо все разъяснил. То ли с лукавых, многообещающих улыбок темноволосой дивы, которыми она одаривала его теперь при каждой встрече.

Сам того не замечая, он стал подгадывать время так, чтобы завтракать одновременно с ними, обедать заходил туда, где уже сидели они в компании неизменных поклонников, вечерами, бывало, бродил из одного заведения в другое, словно выбирая, где бы остаться, а сам искал глазами знакомое лицо. Случалось, что красоток увозил далеко за пределы отеля какой-нибудь роскошный автомобиль. Тогда вечер казался Антону Ильичу нестерпимо скучным и невеселым, он коротал часы за стойкой бара, а с утра снова спешил занять излюбленный столик в ресторане, с трепетом ожидая новой встречи. И вновь они появлялись, как всегда вдвоем, как всегда наряженные, яркие и оживленные, провожаемые восхищенными взглядами со всех сторон. И снова эта нежная улыбка, этот загадочный взгляд... Антон Ильич был уверен, что брюнетка играет с ним в какую-то мучительную для него игру.

Между тем дни отпуска, похожие один на другой, стремительно убегали. Продолжать обмениваться загадочными взглядами и пытаться угадывать ее намеки было выше его сил. Тогда Антон Ильич решился перейти в наступление.

Корзину роскошных бордовых роз, переданных через портье, сопровождала записка с коротким изъяснением чувств в довольно сдержанном тоне и с выражением готовности развивать знакомство в любой приемлемой для дамы форме.

Ответа не последовало, да Антон Ильич и не ждал. Ответом ему была бы улыбка или ласковый взгляд. Он едва дождался следующего дня, но за завтраком Инна (так звали брюнетку) была абсолютно спокойна и кроме обычного «доброе утро» не произнесла ни слова в адрес Антона Ильича.

Девушки как всегда что-то живо обсуждали, смеялись, и это привело Антона Ильича в замешательство. В растерянности он смотрел на Инну уже не отрываясь, и не пытаясь скрыть вопроса в своем взгляде. Каково же было его удивление, когда девушки, закончив еду, встали и, перебросившись парой фраз со знакомыми с соседнего столика, повернулись и пошли прочь.

«Не хочет говорить подруге, что встречается со мной», – догадался Антон Ильич. Ободренный этой догадкой, он провел день в предвкушении волнительного свидания, не подозревая, что вечером его ждет очередной удар. На глазах у Антона Ильича ровно в половине седьмого, Инна в сопровождении своей подруги и двух по-вечернему одетых мужчин села в ожидавшую у дверей машину и укатила в ночь.

Антон Ильич и раньше выделял этого англичанина из толпы своих конкурентов, но увиденное сегодня не оставляло сомнений в серьезности их взаимоотношений.

На прощальном вечере, устроенным отелем, Инна сидела за соседним столиком рядом со своим англичанином.

В вечерних туалетах обе девушки выглядели завораживающе. Антон Ильич начал праздновать окончание своего отпуска задолго до начала официальной церемонии, и потому давно уже был в прекрасном расположении духа. Кругом царил всеобщее веселье, говорились тосты, поднимались бокалы, играл оркестр.

К Антону Ильичу подседа девушка. Он удивленно смотрел на нее. Это была не Инна.

– Спасибо за розы. – Антон Ильич смотрел на девушку в недоумении. – Вы писали мне... Вы помните?

– Я?... Да-да, конечно... – Антону Ильичу хотелось быть вежливым, но он решительно не помнил лица этой незнакомки. – Но я Вам ничего не писал... – Вы меня с кем-то путаете...

– Ну как же, Вы ведь Антон Ильич? Из 423-го номера? – продолжала настаивать девушка, и ее глаза радостно заблестели, когда Антон Ильич утвердительно кивнул. Она придвинулась еще ближе.

Что было потом, он помнил с трудом. Незнакомка с большими блестящими глазами была весь вечер рядом. Она что-то рассказывала про какую-то записку, про него самого, про море и про отпуск, но ее голос заглушали звуки музыки. Потом они пошли танцевать. Через какое-то время Антон Ильич различил в кругу танцующих Инну с ее английским кавалером. То ли ревность, то ли обида заговорила в нем, и Антон Ильич, забыв про свою партнершу, ворвался в центр площадки и принялся отплясывать не то русскую народную, не то цыганочку, лихо и безудержно, выпятив грудь колесом и высоко закидывая руки. Его поддерживали аплодисментами в такт музыки, это придавало Антону Ильичу еще больше сил, и он пустился в присядку, а затем, сложив руки перед собой, прошелся «уточкой»...

Блюда с едой соскользнули со стола и попадали на пол, тарелки разбились. «Кто-то уронил посуду», – подумал Антон Ильич, продолжая танцевать. В следующие мгновение он увидел перед собой лица людей. «Чего они хотят от меня? – думал он. – Зачем они тянут меня за руки? Что происходит, в конце концов?»

«Ах, так это я упал, – догадался Антон Ильич. – Как же это я не заметил? И посуду тоже я разбил?»

– Не беспокойтесь, – услышал он чей-то голос. – Я помогу ему добраться до номера.

Звонкие женские голоса и раздавшийся затем оглушительный смех разбудили Антона Ильича. Он открыл глаза.

Солнце заливало комнату ярким светом. Он потянулся к часам, стрелки показывали полдень. Все тело ломило, раскалывалась голова. Антон Ильич с трудом поднялся, выглянул с балкона. Все было так, как всегда. Вокруг бассейна, под открытыми лучами солнца загорали туристы. Антону Ильичу стало дурно. Он представил, как он сейчас выйдет на улицу, как солнечные лучи прилипнут к его спине, как будет невыносимо жарко и душно, и некуда деться от этого раскаленного песка и нагретого воздуха. Он вдруг страшно затосковал по Москве, по зимней стуже, по скрипучему снегу, по морозной свежести. Так захотелось вдохнуть утреннего январского воздуха, чистого и холодного, что аж ноздри щиплет, зачерпнуть полные ладони белого хрустящего снега и окунуть в них пылающее лицо...

К вечеру Антон Ильич собрался силами и решился пойти к Инне, попрощаться и извиниться за вчерашнее, которого он сам толком не помнил. Дверь открыла блондинка.

– Вы кто? А-а, да, да, к Инне. Вы знаете, она... Ну хорошо, заходите.

Антон Ильич прошел в дальнюю комнату. За столом спиной к нему сидела Инна. Она, казалось, не услышала, как он вошел, как поздоровался, как извинялся. Она сидела, не оборачиваясь, держа в руках какую-то бумажку. Антон Ильич подошел ближе и тут только заметил, что девушка плачет. Она посмотрела на Антона Ильича невидящим взглядом и протянула ему бумажку. Он прочитал следующее:

Dear Inna,

The circumstances make me come back to London really urgently. When you open this letter I am going to be on my way to airport. I am sorry that our love was so short. And more than that I am sorry that I was not strong enough to tell you about this yesterday. But believe me, my dear, it is better for both of us. I hope my departure will not make you upset too much. At least that fat guy will not let you get bored. What is left for me is just sweet memory about the hottest girl from remote cold Russia.

Yours;

Mathew²

² Дорогая Инна, Обстоятельства вынуждают меня срочно вернуться в Лондон. Когда ты откроешь это письмо, я буду уже

Антон Ильич положил записку на стол и вышел. На душе у него было спокойно и немного грустно.

Возвращаясь к себе, он заметил у дверей своего номера женскую фигуру. Подойдя ближе, он узнал вчерашнюю незнакомку.

– Я пришла узнать, как Вы себя чувствуете, – как бы оправдываясь за свой приход, сказала она.

– Прекрасно, – честно ответил Антон Ильич. – Я уже излечился. Так это Вы вчера помогли мне...

– Да-да, я...

– Проходите, – пригласил Антон Ильич. – Как хорошо, что завтра уже домой.

– Вам здесь не понравилось?

– Понравилось, конечно, но это все не для меня. По мне так в январе должна быть зима с морозами и вьюгой, чтобы потом пришла весна с солнцем и теплом... А здесь – все одно... Пустыня...

Глаза незнакомки смотрели на Антона Ильича с необычайной теплотой и нежностью. «Откуда она появилась? – спрашивал себя Антон Ильич. – Слава богу она не наряжена как кукла. И взгляд у нее такой чистый и искренний...»

– Ну это я так, знаете ли, преувеличиваю. А вообще-то мне здесь понравилось. Очень.

на пути в аэропорт. Мне жаль, что наш роман был таким коротким. А еще больше я сожалею о том, что не нашел в себе сил объясниться с тобой накануне. Но поверь мне, моя дорогая, так будет лучше для нас обоих. Надеюсь, мой отъезд не слишком тебя огорчит. По крайней мере, этот толстый увалень не даст тебе скучать. Я же увожу с собой лишь сладкие воспоминания о знойной девушке из далекой холодной России. Твой Мэтью

Столичные привычки

Август в этом году выдался чудным.

Не то чтобы стояла жара – температура редко поднималась выше тридцати, но солнце, изо дня в день пробуждавшее город ранними утренними лучами и светившее весь долгий день до самого заката, не прерываемое ни дождем, ни облаками, грело мягко и на удивление постоянно. Если и случалось пройти дождю, а было это раза три-четыре за прошедшую половину месяца, то происходило это ночью, коротко и торопливо, будто кто-то нарочно старался успеть очистить улицы и добавить в воздух свежести к самому утру. Жизнь в городе бурлила днем и ночью. Людей на улицах стало больше, чем когда-либо: привычно спешащая, с обеспокоенными лицами публика смешалась с беззаботной, смешливой молодежью и романтичными парочками, прогуливающимися рука об руку и сидящими тут и там за столиками в кафе. И, хоть все это прибавляло еще больше шума и толкотни, город в эту пору казался помолодевшим и повеселевшим как никогда.

Антон Ильич наблюдал за пешеходами, идущими вдоль заполоненной машинами улицы, из окна ресторана неподалеку от Китай-городской заставы. Было около четырех часов дня. Дело, вынудившее его покинуть свой кабинет, было успешно завершено, и теперь он, довольный и приободренный, обедал.

Несмотря на то, что Антон Ильич был жителем мегаполиса и город свой любил всей душой, некоторые его привычки были отнюдь не типичными для современного жителя столицы.

Взять, к примеру, эту размеренность, сопровождавшую каждое его слово, движение и жест, – такая неспешность никак не вязалась с окружающей торопливостью и нетерпением. Глядя на то, как вдумчиво он изучал меню и делал заказ, выясняя у официанта подробности приготовления блюд, а затем не спеша и с наслаждением ел, в перерывах между едой с интересом наблюдая происходящее за окном, его легко можно было бы принять за приезжего. Но нет, спокойствие и внимание к деталям всегда были в характере Антона Ильича, и только чрезвычайные обстоятельства могли заставить его действовать не раздумывая, вопреки собственным правилам.

Кто бы мог подумать, что подобное обстоятельство настигнет его именно сегодня.

Антон Ильич как раз взялся за десерт, когда дверь ресторана распахнулась, и на пороге появились двое: брюнетка решительно шагнула вперед, за ней вошел молодой человек в костюме. Увидев девушку, Антон Ильич на мгновение замер, не донеся вилку до рта, затем лицо его осветилось широкой улыбкой, как у человека, нежданно-негаданно встретившего старого доброго друга. Он развернулся и подался вперед, готовый встать навстречу идущей на него девушке, но... та, не заметив его, прошла мимо и заняла столик на противоположной стороне, у стены. Молодой человек последовал за ней.

Антон Ильич так и остался сидеть, неловко выдвинув ноги из-за стола и улыбаясь. Затем он медленно обернулся, проследил глазами за парочкой, и, казалось, хотел было окликнуть знакомую, но почему-то передумал и уселся обратно.

С той минуты ни еда, ни прохожие за окном его больше не интересовали. Взгляд его устремился к столику у стены, и лишь временами он попивал кофе, и то для того только, чтобы соблюдать приличия и не смотреть в сторону парочки непрерывно.

Девушка, нарушившая своим появлением безмятежный обед Антона Ильича, была без сомнения достойна мужского внимания: высокая, ладно сложенная, с блестящими иссиня-черными волосами до плеч и тонкими чертами лица. Выглядела она ярко и привлекательно. Ее костюм из легкой ткани однотонного цвета выделялся на фоне по-летнему пестрых маек и

бридж и говорил о том, что трудовые будни она, по всей видимости, проводила в офисном учреждении или банке.

По тому, как серьезно, без тени улыбки она разговаривала со своим спутником, то и дело обращаясь к документам, которые принесла с собой, нетрудно было догадаться, что их встреча носила деловой характер.

От Антона Ильича не укрылось, с каким вниманием слушал его знакомую молодой человек: говорил он мало, лишь кивал головой да делал записи в своем ежедневнике.

Между тем кофе Антона Ильича совсем остыл. Официант принес счет, обед давно уже подошел к концу, и пора было бы уходить, однако Антон Ильич не спешил. Непонятно было, отчего он медлил: если решил-таки обнаружить свое присутствие, то почему не подошел и не поздоровался, а если хотел остаться незамеченным, почему не торопился уйти? Вероятно, Антон Ильич и сам не мог ответить на этот вопрос.

Он все еще сидел в нерешительности, когда парочка вдруг поднялась из-за стола и направилась к выходу. В окне он увидел, как девушка вручила своему спутнику кипу бумаг, поделовому сухо попрощалась с ним и быстро зашагала прочь.

Тут Антон Ильич схватил портфель и висевший на спинке стула пиджак, рванул из-за стола и в два счета оказался на улице. Он стал ловко протискиваться среди прохожих, проявляя несвойственную ему прыть и не теряя из виду черноволосую головку, высоко маячившую впереди. Когда между ними оставались не более десяти метров, брюнетка перешла дорогу и свернула в переулок. Антон Ильич бросился пересекать улицу, не доходя до пешеходного перехода и не взирая на гудки двигающихся автомобилей. Вбежав в переулок, он увидел, как стройная фигурка взлетела по ступенькам огромного здания из темного стекла и скрылась в дверях.

Не колеблясь ни минуты, – такой уж сегодня выдался день – Антон Ильич побежал вслед, взобрался по ступенькам, двери сами раздвинулись перед ним, и он очутился внутри просторного холла. Не сбавляя скорости, он решительно двинулся было вперед, однако его остановил вежливый, но настойчивый голос из-за полукруглой стойки.

– Я к Карине, – спешно ответил Антон Ильич, рукой указывая куда-то вглубь помещения, где, по его мнению, находилась та, кто ему нужна.

– Простите? – Девушка за стойкой смотрела на него любезно и непонимающе.

– Мне нужна Карина, – торопился объяснить Антон Ильич, но безуспешно.

– Карина?...

– Ну да, Карина... боже мой, как же ее... Карина, Карина...

– Фамилия будто бы вертелась у него на языке, всем своим видом Антон Ильич призывал помочь ему и напомнить вылетевшее из головы слово.

– Вы к Карине Артуровне? – произнесла девушка негромко и несколько удивленно.

– Да! Да-да! К ней. – Радостно подхватил Антон Ильич.

– Вы записаны?

На сей раз удивился Антон Ильич.

– Нет... но я... – он почувствовал, что дело приобретает серьезный оборот, но Антон Ильич был не из тех, кто так легко сдается. – Я к ней по личному вопросу.

Лицо из-за стойки смотрело недоверчиво.

– Боюсь, что...

– Это незапланированная встреча, Вы понимаете, о чем я? – Антон Ильич пронзительно смотрел на девушку поверх стекол очков, и та, казалось, уступила.

– Я свяжусь с приемной Карины Артуровны. Как Вас можно представить?

Антон Ильич назвал.

Набрав номер и проговорив в трубку что-то, чего Антон Ильич не расслышал, девушка произнесла:

– У Карины Артуровны совещание, с ней можно будет связаться минут через двадцать, не раньше. Вы могли бы подождать? Вы можете расположиться в кресле, если желаете.

Располагаться в проходной рядом с администраторшей и двумя широкоплечими, в темных костюмах охранниками, которые дежурили у входа, Антон Ильич не желал.

Он направился к выходу, черные двери плавно распахнулись и выпустили его на улицу.

Спустившись со ступенек, он остановился, размышляя о чем-то, затем, словно повинувшись внезапно осенившей его мысли, обернулся к дверям и взглянул на вывеску, венчавшую парадный вход. Прошло несколько минут, прежде чем он, все еще стоя на месте, встряхнул и заново сложил помятый в спешке пиджак, поправил рубашку, выбившуюся из брюк во время бега, провел ладонью по голове, приглаживая волосы, и неторопливо шагнул по тротуару.

Спустя четверть часа в здание из темного стекла вошел совсем другой человек: в солидном господине, поднявшимся по ступеням размеренным, увесистым шагом, почти невозможно было узнать запыхавшегося, растрепанного человека, вбежавшего сюда полчаса назад.

Дождаясь администраторшу, занятую другим визитером, Антон Ильич шумно вздыхал и барабанил пальцами по стойке – то ли от нетерпения, то ли от волнения. Наконец, девушка за стойкой обратила на него свой улыбающийся взгляд.

– Скажите, как к-Карина... Картуновна... – «Ох уж это отчество, такое же твердое, как сама Карина», – подумалось Антону Ильичу.

– Карина Артуровна сможет принять Вас в семь тридцать. – Девушка была сама любезность. И только в глазах одного из охранников будто бы мелькнула улыбка, когда Антон Ильич в очередной раз покидал здание: в запасе у него было не менее часа.

На улице было душно, словно перед дождем, однако дождя ничто не предвещало: на небе не было ни облачка. К концу рабочего дня и людей и машин стало еще больше, пешеходы то и дело обгоняли Антона Ильича, толкаясь и задевая его то плечом, то портфелем. Утомленный этой надоедливой суетой Антон Ильич, который, напротив, никуда не торопился, свернул во двор жилого дома и присел на скамейке в тени раскидистой листвы.

Ожидание тяготило. Минуты тянулись необыкновенно долго. И чем ближе подступала стрелка часов к назначенному часу тем беспокойнее было на душе у Антона Ильича.

Он готов был признаться самому себе, что напрасно затеял это приключение, поддавшись минутному порыву. Случайная встреча, подаренная самой судьбой, приятная и ни к чему не обязывающая, превратилась в хлопотливое дело, растянувшееся к тому же на полдня. Слова, готовые сорваться с губ там, в ресторане, или на улице, сумей он догнать девушку, теперь не имели смысла, и Антон Ильич ломал голову, придумывая, что сказать и как объяснить свой необдуманный поступок.

Поспешность была не в его характере, и он сам дивился собственной торопливости. «И зачем надо было бежать за ней? Как школьник, ей-богу», – ругал себя Антон Ильич.

Он уже и рад был бы не идти на эту встречу, его останавливало лишь то, что он успел назвать свое имя, и мужское достоинство не позволяло ему смалодушничать и не явиться на свидание, которого он сам так настойчиво добивался.

В семь тридцать вечера Антон Ильич, наконец, пересек стойку администрации и сел в лифт. На четвертом этаже его встретила белокурая секретарша и проводила по длинным коридорам опустевшего уже офиса до комнаты с табличкой «переговорная».

Волнение охватило Антона Ильича с новой силой, и он расхаживал взад-вперед вдоль длинного стола в ожидании встречи.

Внезапно раздавшаяся мелодия телефона заставила его подскочить на месте.

В портфеле звонил мобильный. «Ах, как это все не вовремя», – с досадой подумал Антон Ильич, торопливо доставая телефон.

– Юленька, я на встрече, перезвоню позже... Где? А-а... Да-да... Нет, не забыл... Ну конечно помню... Просто думал, что задержусь ненадолго, но теперь вижу, что совсем не успеваю... Послушайте, Юленька, не ждите меня, хорошо? Нет, не нужно... Я не знаю... Договорились, позвоню, как освобожусь, но Вы меня не ждите...

За дверью послышались шаги.

– Ну все, перезвоню, – почти прошептал Антон Ильич и захлопнул крышку телефона.

Дверь открылась, и в кабинет вошла дама среднего возраста с приятными чертами лица и короткой стрижкой из огненно-красных волос. Она окинула взглядом Антона Ильича, привычным движением выдвинула кресло и уселась во главе стола.

– Что Вы хотели? – Спросила она устало.

– Вы, наверно, ошиблись...

Глаза у дамы сузились, лицо напряглось, она мгновенно выпрямилась в кресле.

– Вернее, это я... ошибся... Словом, я жду не Вас. Мне нужна Карина.

Антон Ильича встретил холодный взгляд, полный недоумения.

– Карина, понимаете, она работает здесь.

Нет, она явно его не понимала.

– Ну, такая высокая, стройная, с длинными волосами...

Дама сняла трубку телефона, стоявшего тут же на столе, и через мгновение Антон Ильич услышал ледяное «Вы кого ко мне прислали?!»

В коридоре зашумели, в дверях переговорной появилась секретарша, встречавшая Антона Ильича, вид у нее был перепуганный. За ней показались несколько мужчин в черном.

– Карина Артуровна, – запричитала секретарша со слезами в голосе, но та только бросила, не глядя: «Потом поговорим» и вышла из кабинета.

В который раз за этот день Антон Ильич шагал по той же улице вместе с другими прохожими. Ни люди, ни скопившиеся на дороге автомобили, ни музыка, звучащая из открытых кафе и ресторанов, Антона Ильича не раздражали. На лице его блуждала улыбка, казалось, все вокруг его умиляло; время от времени он качал головой и повторял «ну надо же» или «вот так история».

Соблазнившись витающими в воздухе ароматами еды и весельем, царящим вокруг, Антон Ильич занял место на уютной террасе одного из заведений и заказал большую кружку пива.

Настроение у него улучшалось с каждой минутой. Вскоре он достал телефон, набрал номер и заговорил в трубку:

– Юленька, это я... Да, собираюсь поужинать. Приедешь?.. Ну брось, не сердись... Виноват... Ну приезжай, поговорим... Приедешь?.. Ну, скажешь тоже... Ну что такого... Я расскажу тебе, когда приедешь...

Постепенно уговоры Антона Ильича стали чередоваться оправданиями, извинениями, воспоминаниями и даже признаниями в любви. Беседа длилась долго. Наконец, отложив телефон, он с улыбкой вздохнул, довольно громко произнес «ох уж эти женщины» и заказал себе еще пива.

У врача

Субботнее утро началось со звона будильника и шума дождя, барабанившего по окнам неровной дробью. Встать не хотелось, но боль в спине где-то между ребрами и правой лопаткой, мучавшая Антона Ильича всю последнюю неделю и возникшая вновь, стоило ему потянуться к будильнику, заставила его проснуться и вспомнить о сегодняшних планах: на десять утра он был записан на прием к врачу.

Клиника с импортным названием, куда записала Антона Ильича его секретарша Людочка, настоявшая на том, чтобы он показался специалисту, оказалась просторной и полупустой. Ничто здесь не напоминало о нездоровье, кругом царила ослепительная чистота, в коридорах стояли мягкие кресла и диваны из светлой кожи, повсюду были расставлены живые цветы.

Антон Ильич очередной раз взглянул на листок бумаги, на котором, помимо адреса клиники, даты и времени, заботливой рукой Людочки было выведено: «доктор Алоева. Кабинет 420».

Поднявшись на лифте и дойдя до конца длинного коридора, он с удивлением обнаружил там очередь из трех человек.

– Сюда кто-нибудь есть? – спросил Антон Ильич, указывая на нужную ему дверь.

Ответ последовал не сразу.

Молодая женщина, сидевшая напротив, нервно перебирала пальцами ремешок сумочки у себя на коленях и, казалось, не слышала вопроса и вообще не замечала ничего вокруг. Мужчина в очках и с растрепанными, торчащими во все стороны волосами мерил коридор энергичным шагом, время от времени встряхивая шевелюрой и бормоча что-то себе под нос. Наконец, третий из ожидавших, молодой человек в костюме и в галстуке, с любопытством наблюдавший за двумя остальными, обратился к Антону Ильичу:

– Вы по времени?

– Я записан на десять, – ответил Антон Ильич.

– Тогда за мной будете.

Антон Ильич кивнул, устроился в кресле поблизости и приготовился ждать.

– Да Вы не волнуйтесь, я быстро, – почему-то решил успокоить его молодой человек. – Мне только справку взять, что я здоров. Для работы, – объяснил он.

Прошло не менее четверти часа, прежде чем кабинет освободился, и в него ловко нырнул молодой человек в костюме.

Дама с сумочкой по-прежнему смотрела прямо перед собой и никак не реагировала на происходящее. Лохматый мужчина, всякий раз проходя мимо Антона Ильича, обдавал его горящим, беспокойным взглядом, но в разговор не вступал. Антон Ильич тоже молчал. Боль в спине разыгралась не на шутку, и он мысленно благодарил Людочку за то, что она уговорила его пойти к врачу.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – пригласила Антона Ильича доктор, забирая из его рук новенькую, только что заведенную в регистратуре карту – Вы, я вижу у нас впервые? Это была женщина лет шестидесяти с крашеными волосами, уложенными в пышную прическу на манер прошлых лет, одетая в халат нежно-зеленого цвета. Говорила она ровно и неторопливо, ее мягкий голос успокаивал.

– Что же привело Вас сюда? – Она окинула Антона Ильича взглядом опытного врача, способного поставить диагноз в считанные мгновения.

– Да вот, спину потянул. Это все теннис, – произнес Антон Ильич.

– Теннис? – В голосе доктора звучал вежливый интерес. – Так-так. Расскажите-ка попodbнее.

– Да что тут рассказывать. Я, в общем-то, не ахти как играю, вернее сказать, лет двадцать ракетку в руках не держал. А тут вот все пристали, давай, мол, разомнемся, сыграем партеечку ну Вы понимаете...

– Понимаю, – кивнула доктор.

– Ну я и решил, так сказать, вспомнить молодость, – Антон Ильич сам улыбнулся своим словам.

– И что же?

– Ну взял ракетку, мячик и как замахнулся на подачу, – Антон Ильич, позабыв о боли, вскинул правую руку вверх, сжав в кулаке воображаемую ракетку. – А ракетка-то тяжеленная, да и мяч с какой силой надо бить, это ж вам не бадминтон какой-нибудь!

– И я ка-а-к, – Антон Ильич подался назад и с размаху опустил руку желая продемонстрировать силу своего удара.

Это ему удалось: рукавом он зацепил подставку для письменных принадлежностей на столе доктора, так что воображаемая подача теннисного мяча завершилась грохотом упавших со стола предметов и рассыпавшихся по полу ручек и карандашей.

– Ох, простите, ради бога простите, – прошептал Антон Ильич. На секунду он замер от неожиданности и тут же бросился собирать уроненное на пол.

– Ничего страшного. Не волнуйтесь, пожалуйста. Оставьте, оставьте все как есть, мы потом сами уберем, – успокаивала его доктор, но Антон Ильич уже опустился на пол и, стоя на коленях, судорожно подбирал отовсюду все, до чего мог дотянуться.

– Вставайте, пожалуйста. Все нормально. Остальное соберем потом. Садитесь на место, прошу Вас.

Доктор взяла подставку с поднятыми Антоном Ильичом ручками, переставила ее на подоконник у себя за спиной, будто бы от греха подальше, и продолжила прежним невозмутимым голосом:

– Постарайтесь успокоиться, хорошо? Давайте вернемся к Вашему рассказу. Попытайтесь говорить менее эмоционально. Это все уже в прошлом, не стоит так переживать, договорились? Просто расскажите мне, чем все закончилось. Итак, Вы помните, на чем мы остановились?

– Что ж здесь помнить, – Антон Ильич и впрямь разгорячился от ползания по полу однако не до такой степени, чтобы забыть, для чего он сюда пришел. – После этой подачи у меня и схватило в правом боку. Вот тут, – он приподнял было локоть, но прочитав на лице доктора предупреждение на сей раз быть поосторожнее, опустил руку и продолжил объяснять на словах. – В спине, на уровне лопатки, так и давит прямо под ребра. Сначала вроде бы ничего, а потом, уже дома, болело сильнее и сильнее. И так всю неделю.

– Значит, это произошло неделю назад?

– Да. В прошлое воскресенье.

– И что было потом? – Продолжала мягко расспрашивать врач.

– Как что? Как обычно... Пиво попили. Попарились...

– А дальше?

Антон Ильич с удивлением посмотрел на доктора.

«Неужели это тоже имеет отношение к больному боку?» – мелькнуло в голове. Отведя взгляд и замешкавшись, Антон Ильич, наконец, нашелся:

– Дальше... На какое-то время я совершенно забыл об этом. Никакой боли. Как будто ничего и не было. И так всю ночь, вплоть до самого утра...

Доктор кивнула так понимающе, что Антон Ильич заволновался, не слишком ли откровенно он обрисовал ситуацию.

– Не в том смысле, что боли совсем не было, – решил он перевести разговор к главной теме их беседы, – а в том смысле, что я ее просто не ощущал, временно, понимаете, хотя она была, наверняка была. Просто я отвлекся, занялся другими делами, забылся... – Почувствовав, что снова ступил на скользкий лед, Антон Ильич осекся и замолчал. Надо было как-то уходить от разговора о той ночи.

На помощь пришла доктор:

– Скажите, что Вас больше всего беспокоит во всей этой истории?

– Как что? – Антон Ильич даже растерялся от такого вопроса. – Боль-то так и не прошла.

– Вы имеете в виду физическую боль или, может быть... боль иного характера?

«О чем она говорит? Неужели догадалась?» – Антон Ильич не знал, что на это ответить. Не уверенный до конца, о чем именно идет речь, он боялся выдать себя неосторожным словом и потому растерянно молчал.

– Скажите, Антон Ильич, с Вами такое впервые?

Этот вопрос окончательно сбил с толку и так запутавшегося Антона Ильича.

– Пожалуй, что впервые... Хотя... – Антон Ильич смутился под проницательным взглядом врача. «Откуда она знает? Или это я сболтнул-таки лишнего?» – подумал он.

Доктор выдержала паузу но, так и не дождавшись от пациента вразумительного ответа, вздохнула, мол, все здесь ясно, отложила медицинскую карту, поднялась, тщательно вымыла руки в раковине напротив и со словами «давайте-ка теперь осмотрим Вас» приблизилась к Антону Ильичу.

Разволновавшийся Антон Ильич уж и не знал, чего и ожидать от этой всеведущей докторши, однако осмотр, на его счастье, оказался самым обычным.

Врач прощупала пульс, послушала сердце, проверила зрачки и даже попросила проследить глазами за ее рукой в разные стороны, вверх-вниз, а затем, закрыв глаза, дотронуться указательным пальцем до кончика носа. Внезапно удалившись в другой конец кабинета, она стала шептать оттуда какие-то цифры и просила Антона Ильича повторять за ней, вероятно, проверяя его слух. Вернувшись к столу, попросила его сесть, сложив ногу на ногу, и, совершенно неожиданно для Антона Ильича, больно стукнула его по коленке резиновым молоточком, отчего нога его дернулась и взлетела вверх.

Проделав все это, докторша уселась на место, открыла карту и принялась что-то писать, время от времени бросая на пациента короткие взгляды.

Антон Ильич продолжал пребывать в замешательстве. Из раздумий его вывел голос врача:

– Скажите, помимо того, что Вы мне рассказали, есть что-то, о чем бы Вы хотели поговорить?

– Нет-нет, что Вы, – быстро произнес Антон Ильич.

Доктор внимательно посмотрела на него, словно была не совсем удовлетворена ответом.

– Мне кажется, Вы все еще чем-то обеспокоены.

– Просто я думал... может, Вы назначите мне процедуры или дадите какие-нибудь таблетки...

– Конечно. Вот, посмотрите. Я выписала Вам рецепт, здесь два вида лекарств, оба они натуральные, на основе трав. Принимать в течение месяца утром и вечером по чайной ложке во время еды. Это поможет Вам успокоиться, обрести равновесие, не переживать по пустякам. Чтобы лечение было максимально эффективным, я рекомендую Вам чаще бывать на свежем воздухе, совершать пешие прогулки хотя бы по полчаса каждый день. Необходимо также пересмотреть свой рацион, исключить все острое, жареное, сладкое, жирное. По возможности употребляйте больше фруктов. Сигареты и алкоголь, – на этих словах Антон Ильич опустил глаза, надо же было так глупо проговориться о пиве и бане, – исключить абсолютно. Что касается

болеи в спине, – безо всяких эмоций продолжала докторша, – покажитесь терапевту, я Вам написала номер кабинета, он прямо над нами, этажом выше. Вы можете пойти туда сейчас.

– Спасибо, – пробормотал Антон Ильич, забирая у врача карту и вложенные в нее бумажки.

– Ну, а ко мне придете недели через две, посмотрим, как проходит курс лечения.

– Благодарю Вас. До свидания, – откланялся Антон Ильич и вышел из кабинета.

Машинально он зашагал по коридору и вскоре очутился у лифтов.

Боль в боку отчего-то поутихла, и Антон Ильич, несколько утомленный визитом к одному врачу, теперь сомневался, стоит ли отправляться ко второму. Велико было искушение бросить все и ехать домой, однако здравый смысл взял верх, и Антон Ильич решительно достал из карты листок с указанием номера кабинета.

Запись на листке «Алоева. Каб. 420» показалось ему знакомой. С минуту Антон Ильич стоял не шевелясь, затем обернулся и нашел глазами вывеску над длинным коридором, откуда он только что вышел: на ней была изображена большая цифра «три», обозначавшая третий этаж, и надпись крупными буквами «Отделение Психиатрии».

Сладкий ноябрь

Ноябрь встречал Москву холодным ветром, порывистым и пронизывающим, срывающим с деревьев дрожащее золото листвы – последнее напоминание о стремительно уходящей осени.

Березы сиротливо жались друг к другу и трепетали на ветру тонкими, бесцеремонно оголенными ветвями. Бледное и почти уже не согревающее солнце изредка появлялось из-за туч и тотчас снова исчезало. Дни стали короткими, едва не в четыре часа по полудни начинало смеркаться.

Пришла пора, когда буйство осенних красок уже совсем отошло, а снежная белизна зимы еще не настала, и потому все вокруг – и деревья, и улицы, и дома, и люди – казалось, потемнели, потускнели, съежились под колючим ветром и притихли в ожидании больших холодов.

В квартире № 36, в доме на N-ской набережной Москва-реки, напротив, было жарко и до невозможности хорошо.

В просторной, с высокими потолками гостиной негромко играла музыка. Узкие, длинные свечи, расставленные повсюду, горели одинаково ровно. Разлитое в бокалы вино густо-красного цвета благоухало; ароматы лугов и виноградных долин, перемешиваясь с теплом горящих свечей, разливались по комнате душистым жаром.

В глубоких креслах друг напротив друга сидели двое.

Барышня в элегантном серебристом платье чуть ниже колен была здесь, несомненно, гостей. Она сидела с прямой спиной, слегка подавшись вперед и не выпуская из рук свой бокал. Несмотря на улыбку, то и дело переходящую в короткий дразнящий смех, и поза ее и жесты выдавали некоторое напряжение и скованность.

Ее кавалер чувствовал себя, по всей видимости, куда более непринужденно: он расположился, свободно откинувшись в кресле, и голос его журчал низко и спокойно.

С лица не сходила благожелательная улыбка, в стеклах очков в золотистой оправе играло пламя свечей, придавая взгляду живость и озорство. Все происходящее определенно доставляло ему удовольствие, и он не пытался этого скрыть.

За окнами скоро окончательно стемнело, с улицы доносились гудки автомобилей да порывы ветра, – и тем уютнее чувствовали себя двое в компании друг друга.

Непогода сближала.

Беседа шла своим чередом, все чаще теперь прерываясь долгими выразительными взглядами, говорящими лучше всяких слов...

Дверной звонок раздался неожиданно и совершенно не вовремя.

Оба, занятые друг другом, не сразу поняли, что произошло, лишь подняли глаза и посмотрели друг на друга в недоумении.

Звонок повторился, на сей раз громче и настойчивее. Однако хозяин дома по-прежнему не спешил к дверям, оставаясь сидеть неподвижно. Тогда гостя мягко произнесла:

– Антон Ильич, в дверь звонят.

Антон Ильич, вероятно, и сам это понял, потому как лицо его омрачилось и напряглось, от былой умиротворенности не осталось и следа, было ясно, что он лихорадочно соображал, как ему поступить.

Он обвел глазами комнату, словно прикидывая, виден ли свет в окнах гостиной снаружи. Взгляд его остановился на кухне, где в полную мощь горели лампы. Будто бы в подтверждение его мыслей резко и требовательно зазвенел звонок, заставив Антона Ильича вздрогнуть. Непрошенный гость, уверенный, что хозяин дома, уходить не собиравшийся.

В следующее мгновение на журнальном столике застрекотал мобильный: очевидно, тот, кто стоял за дверями, пытался выяснить, почему ему не открывают. Антон Ильич кинулся к телефону и быстро прервал звонок, однако даже в приглушенном свете гостиной было видно, как побледнело его лицо при виде имени, высветившегося на экране телефона.

Не успел он опомниться, как снова позвонили в дверь, длинно и настойчиво, как и прежде. Антон Ильич инстинктивно развернулся было в сторону холла, да так и остался стоять на месте, посреди комнаты, сжимая в руках телефонную трубку.

Гостя Антона Ильича, до сих пор молча наблюдавшая его метания и, вероятно, сделав собственные выводы, вдруг поднялась, оправила платье, взяла сумочку и гордо произнесла, направляясь к дверям:

– Мне наверно лучше уйти.

– Куда Вы?! – В отчаянии зашипел Антон Ильич, хватая ее за локоть и подталкивая обратно в глубь комнаты.

– Антон Ильич!.. Я хочу уйти!...

– Тише Вы, ради бога! Да как Вы уйдете, там же... – Антон Ильич почти отнес гостью обратно, и та с размаху опустилась в кресло. – Вы что, не понимаете?!

На их возню за дверями отозвались долгим прерывистым звонком.

Скрываться более не имело смысла.

– Екатерина Паллна! – Антон Ильич все еще старался говорить шепотом, и оттого голос у него получался хриплым и яростным.

– Андреевна! – Взвизгнула барышня.

– Сидите здесь! Я Вас прошу, приведите себя в порядок. Скажете, что Вы здесь по работе, Вы поняли меня?

С этими словами Антон Ильич бросился к дивану и наспех расправил на нем покрывало, тут же включил свет поярче, пробежался и задул свечи, какие успел, одним махом сгреб со стола бокалы из-под вина, бутылку, открытую коробку конфет и вазочки со сладостями, которыми еще недавно угощал гостью, и, держа все это в руках и помогая себе подбородком, выбежал на кухню под громкий колокол дверного звонка.

У самых дверей он мельком глянул на себя в зеркало, пригладил волосы на голове, на секунду остановился, уже взявшись за ручку, пробормотал что-то про себя и... отворил дверь.

– Ну ты даешь! Спишь что ли?

Антон Ильич оторопело смотрел на друга.

– Ты один? – Вымолвил он наконец, заглядывая за широкую фигуру и ища кого-то.

– А с кем я должен быть?

На лестничной клетке никого больше не было.

– Антон, да что такое, объясни, наконец? Войти-то мне можно? Я здесь черт знает сколько времени уже торчу.

Антон Ильич медленно посторонился, впуская товарища.

– А-а, – понимающе кивнул тот, увидев в прихожей женские сапожки на высоких каблучках. – Что же ты сразу не сказал? Хорошенькая? – Подмигнул он, снимая пальто, но Антон Ильич, казалось, не разделял его веселья.

– Послушай, может, мне лучше уйти?

Антон Ильич махнул рукой, дескать, чего уж теперь, и жестом пригласил друга пройти. Ни говорить, ни думать у него не было сил.

Прежде чем защелкнуть замок, Антон Ильич снова выглянул в коридор и убедился, что там больше никого нет. Еще некоторое время он постоял в холле, пытаясь оправиться от произошедшего и привести мысли в порядок, однако ясности не наступало: тот, кто звонил в дверь,

оказался совсем не тем, кто несколько минут назад позвонил на мобильный и кого приготовился встречать Антон Ильич.

Голоса в гостиной прервали его размышления и заставили отправиться к гостям.

Те познакомились друг с другом, не дожидаясь хозяина дома.

Екатерина Андреевна была, по всей вероятности, немало удивлена, увидев перед собой дородного, привлекательного мужчину средних лет, однако виду не подала. Памятуя о строгом приказе Антона Ильича, она представилась его коллегой, оказавшейся тут по делу.

Антон Ильич, занятый своими мыслями, не сразу это заметил, ему и в голову не пришло предупредить гостью, что все отменяется и ничего выдумывать не нужно. Теперь он чувствовал себя перед ней неловко. Ему хотелось остановить ее и объясниться, но пока он раздумывал и решался, диалог между гостями уже завязался, и прерывать его было бы невежливым.

Бог знает, какие мысли посетили Екатерину Андреевну, так до конца и не понявшую причину случившегося переполоха. Время от времени она бросала на Антона Ильича изумленные взгляды, внимательно всматриваясь в его лицо, словно пытаясь найти подтверждение своим догадкам.

Однако единственное, в чем можно было не сомневаться, глядя на Антона Ильича, так это в том, что он только что пережил невероятное потрясение и все еще не мог прийти в себя. Оставив теперь всякие попытки включиться в разговор, он погрузился в кресло, оттер платком пот со лба, поправил очки и оставался сидеть так, отрешенный и ко всему безучастный.

Геннадий Петрович, друг Антона Ильича, балагурил не умолкая. Прекрасно зная, что в такие минуты Антона Ильича лучше не тревожить, он взял ситуацию в свои руки и развлекал барышню разговорами о том, о сем.

Екатерина Андреевна живо откликалась на его шутки. Как и большинство представительниц ее пола, она обладала способностью мгновенно ориентироваться в изменившихся условиях. Не прошло и пятнадцати минут, как не только Геннадий Петрович, но и Антон Ильич, казалось, искренне верил в то, что с Екатериной Андреевной его связывают исключительно деловые отношения.

Постепенно напряжение стало отпускать Антона Ильича. Мысль, что все обошлось и ничего страшного не произошло, его успокаивала. Он поднял голову и даже попытался улыбнуться, видя, как Екатерина Андреевна засмеялась очередной шутке его друга.

От ее смеха на душе отлегло.

– Антон, ну что же ты не угостишь чем-нибудь гостью? – От Геннадия Петровича не укрылось пробуждение друга.

– Давайте поднимем по бокальчику за знакомство, а?

Антону Ильичу ничего не оставалось, как вернуть на стол открытую коробку конфет, вазочки со сладостями и откупорить новую бутылку вина.

Когда поздним вечером Екатерина Андреевна засобиралась домой, Геннадий Петрович вызвался ее провожать.

Закрыв за гостями дверь, Антон Ильич устало и облегченно вздохнул: какое счастье, что все завершилось благополучно.

Ужин

К ресторану, стоящему отдельным двухэтажным особняком на одной из центральных улиц Москвы, стали съезжаться автомобили. Те, что попроще, останавливались лишь на минутку, чтобы высадить пассажиров и ехать дальше, машины посolidней припарковывались на просторной, расчищенной от снега стоянке. Было около восьми вечера – время ужинать.

Старенькая «Волга» грязно-желтого цвета затормозила резко и шумно.

По обледенелой дороге машину протасило вперед, и она остановилась едва не в десяти метрах от входа в заведение. Через мгновение включились белые фонари заднего хода, но не тут-то было: место позади уже было занято другим автомобилем. С минуту машина стояла без движения, затем ее дверцы с лязгом распахнулись, и из них вышли две ярко одетые барышни. Обе они были явно недовольны произошедшим и не стремились скрыть своего гнева: с грохотом захлопнув двери такси и не переставая громко ругать водителя, не заботясь о том, что их слова привлекали внимание окружающих, они стали пробираться к ресторану по заснеженной обочине, высоко поднимая ноги и придерживая руками полы длинных одежд.

– Ну, рассказывай скорей, – нетерпеливо попросила одна, когда они, наконец, устроились за столиком на втором этаже и сделали заказ.

– Ну что рассказывать, сейчас сама увидишь. – Не торопясь, ответила вторая, доставая из сумочки поочередно телефон, зажигалку и пачку сигарет. – Многого, конечно, не жди, внешне он так себе, ничего особенного. Зато... обеспеченный. Со связями. И очень умный. Да, кстати, – добавила она, немного подумав, – не удивляйся, если он поцелует тебе ручку. И будет называть тебя по имени-отчеству – с незнакомыми он всегда так.

– Шутишь?

– Говорю тебе, он ужасно культурный, первое время так и звал меня: Евгения Паллна то, Евгения Паллна сё...

Произнося это, она набрала номер на своем телефоне и заговорила нежным и слегка обиженным голосом:

– Котик, ну ты где, мы уже... – Ее речь, по всей видимости, тут же прервали на другом конце. Отложив телефон, она вздохнула:

– На совещании. Такая уж у него работа.

Та, что назвала себя Евгенией Павловной, была девушкой весьма привлекательной. Пожалуй, в первую очередь обращали на себя внимание ее длинные белые волосы, ниспадавшие на плечи и спину ровными шелковистыми прядями. Взгляд ее светлых глаз был твердым, несколько даже упрямым. Роста она была невысокого, потому, вероятно, каблук на ее сапогах травянисто-зеленого цвета были невероятно высокими. В своем обтягивающем трикотажном платье Евгения Павловна, даже сидя за столом, невольно демонстрировала соблазнительные формы своей фигуры.

– Слушай, так у вас все серьезно?

– Ну естественно! – Жеманно ответила Евгения Павловна. – Стала бы я вас знакомить, если бы это было несерьезно. Он в меня по уши влюблен.

– А где вы будете жить?

– У него, конечно. Квартира его мне понравилась, с видом на Москва-реку летом белые теплоходы проплывают, туда-сюда, туда-сюда... – Евгения Павловна оторвалась от салата и мечтательно откинулась в кресле. Но тут же резко придвинулась обратно. – Внутри, конечно, на мой взгляд, немного старомодно. Ну, это и понятно, – будто бы оправдывая того, о ком шла речь, продолжала она, – здесь нужна женская рука. Да, да, ты знаешь, я уже все обдумала: кровать, возможно, еще терпит, но мягкую мебель надо сменить, обязательно сменить! В гостиную я хочу поставить что-нибудь яркое, современное. Так что, как только свадьбу отгуляем...

– Так он тебе уже предложение сделал?!

– Еще нет. – Евгения Павловна зажгла сигарету и, затянувшись, выпустила длинную струю дыма. – Но вот-вот сделает, – твердо произнесла она. – Я это чувствую.

– Ну ты даешь! А на счет мебели, ты это с ним обсудила?

– Галка, ну кто такое обсуждает? Ты что, не знаешь, как они трепетно к таким вещам относятся? Я тут у него посуду решила после обеда помыть, тарелку не удержала – краешек отбилась. Хотела выбросить, ну кто из расколотой посуды есть будет, правильно? Так он не дал. Я говорю, вот, мол, и фен-шуй советует ничего битого в доме не держать. А он мне знаешь, что ответил? Мы, говорит, Евгения Паллна, слава богу не в Китае находимся, так что извольте мою тарелку на место поставить. И вообще, можете себя не обременять, для меня посуду помыть – дело вовсе не затруднительное. Так вот и сказал. А ты говоришь – мебель!

Ту, что звалась Галкой, никак нельзя было назвать красавицей. Узкие губы, выкрашенные ярко-алой помадой, делали еще более не выразительными ее небольшие, глубоко посаженные глаза. Блеклые, пепельного цвета волосы, собранные в хвост малиновой резинкой, тоже не добавляли лицу привлекательности.

Даже со стороны было очевидно, что Галка придавала огромное значение тому что говорила ее собеседница: за все время она почти не притронулась к еде, внимательно слушая и боясь пропустить хоть слово. На лице ее было написано восхищение.

– Жень, а ты не боишься вот так, сразу замуж?

Евгения Павловна недоуменно вскинула бровь.

– Ну... все-таки вы же знакомы всего три недели....

– Галка, не забывай: мне уже не двадцать, – негромко сказала Евгения Павловна, – и даже не тридцать.

Барышни уже допивали свой кофе, когда на лестнице сопровождаемый официантом появился Антон Ильич. Он медленно поднимался по ступенькам, как человек, которому торопиться уже не имело смысла.

Евгения Павловна, завидев его, вскинула было руки для объятий, но Антон Ильич только вяло пожал ее локоть и тяжело опустился в кресло.

Официант подал раскрытое меню.

– Котик, а мы тебя ждали-ждали, думали, когда же ты приедешь, – защелкала Евгения Павловна, вся подавшись в сторону Антона Ильича и заглядывая ему в глаза.

Антон Ильич не отвечал.

– Котик, ты что-то неважно выглядишь, устал, да? Ты слишком много работаешь. Я тебе всегда говорила, тебе надо хорошенько отдохнуть. Так нельзя...

Антон Ильич ослабил галстук, расстегнул воротник рубашки и, шумно вздохнув, откинулся на спинку кресла. Выглядел он не просто уставшим, а чем-то крайне озабоченным, казалось, будто бы только что он проделал огромный труд, но основная и самая тяжелая работа ждала его впереди.

– Ну, если никак нельзя взять отпуск, давай устроим что-нибудь на выходных, – продолжала Евгения Павловна, – знаешь, иногда два дня полноценного отдыха – и чувствуешь себя другим человеком... Мы можем поехать в дом отдыха куда-нибудь недалеко, погулять на свежем воздухе, пожарить шашлычки, как тебе? По-моему, отличная идея!

Антон Ильич жестом подозвал официанта.

– Две по пятьдесят, – произнес он, так и не посмотрев в меню.

– Котик, ты что заказываешь? Водку? Ты же обещал... – запричитала Евгения Павловна, но Антон Ильич, казалось, не обращал на ее слова ни малейшего внимания.

Принесли водку. Антон Ильич одним махом опрокинул содержимое рюмки.

– Котик, может, ты что-нибудь поешь? Нельзя же вот так, на пустой желудок...

Мы вот с Галкой поели, пока тебя ждали. Ой, я вас и не познакомила. Котик, это Галка, помнишь, я тебе про нее рассказывала...

Все это время Галка сидела замерев, во все глаза наблюдая за происходящим.

Ее лицо не скрывало крайнего изумления: она явно видела совсем не то, что ожидала. Когда назвали ее имя, она встрепенулась, алые полоски губ задвигались, собираясь что-то произнести, но ничего говорить не пришлось: Антон Ильич посмотрел в ее сторону коротким, ничего не выражающим взглядом и не сказал ни слова, было ясно, что ни выяснять ее отчество, ни целовать ручки он не намеревался.

– Может, ты все-таки поешь? Заказать тебе что-нибудь, Котик? – не унималась Евгения Павловна. – Мы вообще рано сюда приехали, правда, Галка? Представляешь, я заказала такси по тому номеру, который ты дал...

И она принялась в подробностях рассказывать о своих приключениях. Антон Ильич сидел, молча глядя перед собой. Невозможно было определить, слышал ли он то, что ему говорили. Затем, словно очнувшись от мыслей, пододвинул вторую рюмку и залпом осушил и ее.

– До чего же вы все мне надоели...

– Что с тобой, Котик? Ты о чем? – Евгения Павловна пододвинулась ближе к Антону Ильичу и дотронулась до его руки.

– Не зовите меня Котиком, Евгения Павловна, я вам сто раз говорил, – раздраженно сказал Антон Ильич, решительно отстраняя от себя руку барышни, – а впрочем, не утруждайте себя понапрасну... – он достал из кармана пиджака бумажник, вынул три тысячерублевые купюры и положил их на стол.

– Я давно собирался Вам сказать, Евгения Павловна... словом, будем считать наши взаимоотношения оконченными. Будьте здоровы.

С этими словами Антон Ильич поднялся и пошел к выходу, оставив Галку, Евгению Павловну и еще добрую половину посетителей ресторана провожать себя недоуменными взглядами.

Гроза

- Гюн айдын!³ – радостно несло из магнитолы четким голосом диктора.
- Гюн айдын, – повторял за ним Антон Ильич, вытягивая губы трубочкой.
- Гюн айдын! – снова счастливо произнес диктор.
- Гюн айдын, – с упорством выговорил Антон Ильич.
- Насыл сыныз?⁴ – искренне вопрошал голос.

– Насс... куда ты?!.., елки-палки! – Антон Ильич резко вывернул руль и затормозил. Автомобиль встал как вкопанный, отчего Антона Ильича толкнуло вперед и прижало к рулевой колонке. Портфель на соседнем сиденье подскочил и ударился об пол, кипа белых бумаг выпала из него и разлетелась врассыпную.

Водитель вставшей впереди машины выбежал из салона и стал озабоченно оглядывать свой автомобиль. На асфальте лежали осколки битого фонаря, оголившаяся лампа цокала белым светом, треснувший бампер свисал к земле. Мужчина с вызовом посмотрел в сторону Антона Ильича, пытаясь разглядеть его за тонированным стеклом водительского окна.

- Бен иим! Тешекур эдерим!⁵ – восторженно прозвучал голос из магнитолы.

Антон Ильич вздохнул, заглушил мотор и стал выходить из машины.

Многое в последнее время шло не так.

И все из-за контейнера. Новое оборудование, новые партнеры, первая поставка... Контейнер уже в Измире и вот-вот покинет порт, а здесь ничего еще не готово... И Антон Ильич взялся за дело сам.

Дел оказалось невпроворот. Складских помещений под прибывающий груз не хватало, пришлось срочно искать дополнительные, а это в Москве, как известно, ох как не легко; как нарочно, именно с этого месяца изменились правила ввоза груза через таможню, и теперь пришлось переделывать множество документов; мало того, оборудование, как выяснил Антон Ильич, было неправильно упаковано и промаркировано – и этим тоже приходилось заниматься ему самому. Тем временем надо было готовить открытие демонстрационного зала, и здесь Антона Ильича поджидали не меньшие трудности: куда бы он ни обратился, всюду его встречали одним ответом, дескать, и салон нужно было арендовать заранее, и юридическим оформлением заниматься заблаговременно, и сотрудников подбирать месяца, эдак, два назад, и так далее и тому подобное. К каждому человеку требовался особый подход, к каждому делу свое решение.

Антон Ильич за голову хватался. Его по обыкновению размеренная, распланированная жизнь в считанные дни превратилась в лихую карусель, он чувствовал себя так, будто сел на американские горки да так и не слез, вот уже какую неделю катясь на них то вверх, то вниз. С самого утра он крутился как белка в колесе под непрерывным потоком телефонных звонков. Миллион дел вдруг разом обрушилось на него, каждый божий день он созванивался с десятками людей, ездил, встречался, предлагал, спорил, уговаривал, объяснял, и ничего нельзя было отменить, и никак нельзя было сказать Людочке, секретарше, вертящейся на языке «а не перенести ли нам это на завтра?». Дело горело, и делать его нужно было сегодня, сейчас.

Регулярно, раз или два в неделю, Антону Ильичу звонили из приемной Алексея Евсеича – он лично контролировал исполнение проекта. Между ними происходил один и тот же диалог:

- Ну, что там у тебя? – гроыхал в трубку Алексей Евсеич.

³ Добрый день! (*турец.*)

⁴ Как Ваши дела? (*турец.*)

⁵ У меня все хорошо! Благодарю Вас! (*турец.*)

– Все по плану, Алексей Евсеич, – рапортовал Антон Ильич, стараясь не выдать волнения.

– Когда открытие?

– Думаю, первого октября, Алексей Евсеич.

– Хм... Раньше не можешь?

– Никак, Алексей Евсеич. Видите ли... – и Антон Ильич называл причину.

– Ладно, – прерывал его Алексей Евсеич, – держи меня в курсе.

– Непременно.

Нельзя сказать, что Антон Ильич не справлялся, отнюдь нет. Несмотря на непривычный для него темп и некоторый организационный или, как говорится, творческий беспорядок, вызванный обилием задач, он вскоре освоился, взял за привычку записывать список дел и ставить галочки напротив выполненного, уже не переживал подолгу из-за какой-нибудь небольшой неудачи, кляня себя и прокручивая ситуацию снова и снова, как это случалось раньше, и не раздумывал часами перед тем, как ехать куда-либо или звонить – на это просто не было времени.

Из-за того, что обедал он теперь, когда придется, лицо у него осунулось, глаза лихорадочно блестели из-под очков, черты его сделались острее, но это было ему к лицу. Сам он весь заметно полегчал, оживился, задвигался быстрее, свободнее и резче. Даже Людочка, невольно копируя настроение начальника, стала невероятно стремительной, каблучки ее теперь не стучали ровно и царственно, как раньше, а прыгали неровной дробью порывистых движений, говорила она торопливо, с придыханием, на телефон отвечала коротко, будто нехотя и без особой внимательности, как человек, занятый чем-то более важным.

Два месяца столь напряженной работы принесли свои плоды: просторный зал, увенчанный вывеской над входом, ждал своего часа. Одетые в униформу работники сновали туда-сюда, наводя порядок и делая последние приготовления. На улицах города висели рекламные щиты, оповещавшие о торжественном открытии нового салона. Из Турции ждали директора фирмы-производителя, Пехлюван-бея, летевшего сюда воочию убедиться, что все готово к поставке его товара.

Антон Ильич был взволнован, и рад, и горд собой. Сил было положено немало, но и результат говорил сам за себя.

Однако с того дня, как в двери московского офиса тяжелой поступью вошла статная и увесистая фигура Пехлюван-бея, уверенность стала покидать Антона Ильича. Пехлюван-бей оказался вовсе не таким приятным и вежливым до назойливости господином, каких встречал Антон Ильич множество раз во времена деловых поездок в Турцию. Здесь они, казалось, помещались ролями, и теперь Пехлюван-бей требовал к себе не то что бы гостеприимства и радушия, а прямо-таки почитания и услужения.

Его приезд предвещал присланный факсом список условий, необходимых для его пребывания в Москве. В него входили отдельный кабинет в офисе, два личных секретаря, два переводчика, автомобиль конкретной марки с водителем, обеденное меню из турецких блюд и прочие пункты, поразившие Антона Ильича и размахом и детальностью. Деваться было некуда, как говорится, «взялся за гуж...», и Антон Ильич выполнил этот последний пункт в своем перечне мероприятий так же блистательно, как и все предыдущие. В конце концов, лишь от Пехлюван-бея зависел теперь исход событий: стоило ему удостовериться, что все в порядке, и он мог бы дать отмашку разгружать, наконец, товар, стоящий на складе.

– Ну, что там у тебя? – прогремело в телефонной трубке.

– Все п-п-по п-п-пла-п-п-по... – разволновался Антон Ильич.

– Первого открываемся?

– Алексей Евсеич, как только этот П-ппп-пеликан-бей...

- Не понял. Открываемся или нет?
- Неп-п-пременно.
- Хорошо. Больше звонить не буду.

Но Пехлюван-бей не спешил, да и вообще вел себя, по меньшей мере, странно.

Нахмуренное, ко всему подозрительное выражение не сходило с лица измирского гостя. Его манера держаться ставила окружающих в недоумение: приехав утром на работу, на вежливые приветствия секретарей и прочих служащих он не то что не отзывался ни словом, ни улыбкой, ни кивком головы, ни ответным взглядом, но будто бы нарочно не замечал того, кто поздоровался с ним. С таким невидящим взором и высоко вскинутой головой он шагал мимо растерянных лиц, замерших на полуслове, в свой кабинет, ставил на стол портфель и замирал на несколько секунд, оглядываясь вокруг, проверяя, все ли на месте. Убедившись, что все здесь в точности так, как он оставил накануне, он, тем не менее, не меняя выражения недовольства на лице, брался за пуговицу своего пиджака. Тут, дождавшись нужного момента, не раньше и не позже, к нему подлетала Эмилия, перехватывала скинутый пиджак и бережно вешала его на плечики. Затем она аккуратно открывала крышку компьютера перед усевшимся в кресло Пехлюван-беем, обходила вокруг стола и нажимала кнопку включения. В это время другая девушка, Камилла, приносила чай, заваренный в той пропорции и в той чашке, как приказал Пехлюван-бей, ставила на стол чуть левее от компьютера и тут же, рядом оставляла стакан холодной воды.

Весь этот утренний ритуал, как правило, происходил в полном молчании, девушки знали, что Пехлюван-бей не любит лишних звуков и потому действовали тихо, проворно, разговаривая друг с другом глазами. Пехлюван-бей смотрел по своему обычаю сквозь них, ему будто не терпелось, чтобы они поскорее оставили его. Случалось, однако, он вдруг что-то громко говорил, требовательно, возмущенно, крикливо. Не понимая ни слова, девушки замирали от испуга или суежились, желая исправить, да не знали, что. Пока одна из них не убегала к себе и оттуда, чуть не плача, роняла в телефонную трубку: «Людмила Григорьевна, у нас опять ЧП... помогите, ради бога... нет, чай как всегда... проветрили... закрыли... предупредили... убрали... заказали... да-да, спасибо...» Через мгновение в комнату вбегала Людмила Григорьевна, за ней Инга Викторовна, единственная поблизости, знавшая турецкий язык, и вскоре, усилиями всех четверых выяснялось, что чай, дескать, потерял свой вкус, вероятно, вода в бутылке застоялась, а воздух в кабинете чересчур прохладный или, напротив, слишком душный.

Секретаршам Пехлюван-бея приходилось труднее всего. Обе они жили в напряженной тишине, двигаясь скованно и бесшумно, то и дело прислушиваясь к каждому шороху в кабинете Пехлюван-бея: едва телефон только на его столе издаст первую трель, та, что ближе к двери, мчитяся стремглав, чтобы снять трубку и подать ее патрону, звякнет ли о стол чашка – другая бегом, унести ее с глаз долой (пустой посуды Пехлюван-бей терпеть не мог), раздастся ли в кабинете раскатистое, несдерживаемое чиханье – одна из них тут как тут с салфеткой в руках и с выражением вины в глазах, простите, дескать, опять от сквозняка не уберегли, случись же сорваться с плотно сжатых губ начальника короткому и невнятному «Миля!», как обе девушки тотчас предстанут перед ним, не разбирая, кого из них он кликнул, Эмилию или Камиллу.

Вообще Пехлюван-бей стремился во всем оградить себя от обыденности, он не обременял себя пустыми, незначительными делами и не разменивался на мелочи. Все, с чем в его понимании могли, хорошо ли, плохо ли, справиться другие, он предоставлял делать им, себя же он берег для труда солидного, интеллектуального – и здесь никто не мог его заменить – он мыслил, он решал, он руководил.

На важные встречи, впрочем, не важных встреч у Пехлюван-бея не было, он отправлялся в сопровождении целой свиты, независимо от того, предстояло ли ему ехать на другой конец Москвы или пройти в переговорную комнату на соседний этаж. В любом случае нужен был

кто-то, чтобы нести его личные вещи – ручку, органайзер, калькулятор, печать, кто-то, чтобы нести образцы и подарки клиентам – а это целые пакеты календарей, блокнотов и прочей канцелярской утвари, кто-то, кто бы отворял двери, вызывал лифт, словом, устранял всевозможные задержки и препятствия на пути, да еще, само собой, кто-то из переводчиков.

Надо сказать, говорить Пехлюван-бей умел. Мысли он излагал складно, неторопливо, образно и издалека. В речах его чувствовалось неизменное уважение и к собеседнику и к стране, в которой он находился, и к людям, которые здесь жили. Складывалось впечатление, что общечеловеческие ценности ему отнюдь не чужды, во всяком случае, на словах. В такие минуты Антон Ильич заслушивался им, сидел, удивленный, замороженный, будто бы видел этого человека впервые, и постепенно, оттаяв, растрогавшись, переполнялся таким умилением, таким единением души и мысли с этим странным, непонятным и вместе с тем таким близким, оказывается, ему человеком, что готов был простить ему его чудачества и сам нести ему сумки и открывать перед ним двери в знак окончательного примирения и начала большой дружбы, да вот незадача, стоило им распрощаться с гостями, как лицо Пехлюван-бея принимало свой обычный надменный вид и ничто более ни в походке его, ни во взгляде не напоминало только что сказанных слов. «Экий гусь», – с досадой думал Антон Ильич.

Все теперь пребывали в оцепенении, в недоумении. Заданный было Антоном Ильичем энергичный темп, воодушевлявший всех вокруг, пошел на убыль, в офисе воцарилось недружелюбное молчание. Никто не понимал, для чего здесь Пехлюван-бей, что он делает и сколько еще пробудет.

Не знал этого и сам Антон Ильич.

Пехлюван-бей со свойственной ему подозрительностью что-то постоянно проверял да пересчитывал, просил то отвезти его в салон, то на склад, то назначить встречу с будущим покупателем, то предоставить рекламный бюджет. Антона Ильича и удивляло и обижало такое недоверие, однако больше всего его тревожила бесцеремонная неторопливость, с какой Пехлюван-бей выдумывал каждый день новое занятие, будто нарочно оттягивая время. Сроки между тем поджимали, близилось первое число, а груз все стоял, не распакованный, неприкосновенный, на складе.

– Ну, что там у тебя?
– Алексей Евсеич, я пришел, потому что, видите ли...
– Только говори быстрее. У меня пять минут.
– Да-да... Видите ли, первого числа мы открыться не сможем.
– Не понял.
– Не сможем, – Антон Ильич развел руками, – открыться... не сможем...
– Причина?
– Это все Пехлюван-бей... все из-за него.
– Что еще за бей?! – вдруг взорвался Алексей Евсеич и ударил ладонью по столу. – Что за околесицу ты несешь?!

В гневе он поднялся со своего кресла и приблизился к сжавшемуся на стуле Антону Ильичу.

– Ты сам-то понимаешь, что ты несешь?! У меня аренда проплачена! Я же за пустой зал плачу! Жду когда ты его откроешь! У меня реклама по всему городу висит! Ты что, забыл, сколько это стоит?! Кто мне эти деньги вернет? Ты?! Или этот твой?! Бусурманин?!

Алексей Евсеич прошагал в другой конец кабинета, развернулся, подошел к календарю на стене, он показывал двадцать девятое сентября, и спросил:

– Что надо сделать, чтобы первого открыться?
– Разгрузить товар... – почти шепотом произнес Антон Ильич.
– Ну так разгрузи! – взревел Алексей Евсеич.
– Пехлюван-бей...

– К черту Поливан-бея!! Пусть едет домой! Он мне только мешает тут! Я под него пятерых людей держу, зарплату им плачу, между прочим! А он мне палки в колеса вставляет!

На столе загорелась кнопка вызова из приемной.

– Да?

– Алексей Евсеич, итальянцы ждут в конференц-зале.

– Иду.

Алексей Евсеич оправил пиджак, взял со стола кое-какие бумаги, Антон Ильич при этом поднялся, как бы на прощание, но тот, не проронив больше ни слова, ушел.

Стук за окном заставил Антона Ильича очнуться. Это первые тяжелые капли дождя ударили в стекло. На улице потемнело, невдалеке послышались раскаты грома.

Решительным шагом Антон Ильич прошел мимо секретарш в приемной Пехлюван-бея и без стука открыл дверь в его кабинет. Пехлюван-бей, в это время упражнявшийся в расчетах на калькуляторе, недовольно вскинул брови, но, увидев Антона Ильича, сдвинул губы в приветственной ухмылке и жестом пригласил присесть.

Антон Ильич, не обращая внимания на приглашение, приблизился к нему, поднял правую руку с вытянутым указательным пальцем и, тряся им в воздухе, неожиданно громко произнес:

– Я сейчас же звоню на склад! Сейчас же! Пусть разгружают сегодня! Сейчас! Я сам прослежу!

Пехлюван-бей смотрел снизу вверх, рот у него открылся, лицо выражало непонимание.

– Первого мы открываемся! И точка! Хватит уже! Заждались!

Глаза Пехлюван-бея испуганно заморгали, он что-то пробормотал по-турецки, тихо, почти про себя, на что Антон Ильич, будто поняв сказанное, взвился и затараторил еще быстрее:

– А я скажу тебе, почему! Я все тебе скажу! Пока ты тут сидишь как надутый индюк, мы аренду платим! За пустой зал! Да у нас по всему городу реклама висит!! Это Москва! Это тебе не Турция! Ты хоть представляешь, сколько это все стоит?! Ты счета видел? Ты видел, сколько мы платим, я тебя спрашиваю?!

За окном яростным ливнем обрушился дождь, в небе клочкотало и гремело, Антон Ильич говорил все громче и громче, стараясь перекрыть непогоду, и фигура его, нависшая над Пехлюван-беем, выглядела угрожающе.

– Я тут два месяца корпел, все организовал, все устроил! А ты приехал и рожи корчишь! Это ему не так! То ему не то! Людей понабрал, портфель ему нести! Тьфу! – Антон Ильич в сердцах плюнул, не сильно, конечно, однако обдал Пехлюван-бея слюной. Тот как будто и не возражал и защититься не пытался. Антон Ильич двинулся к выходу, у двери еще раз обернулся, вновь воздел палец к небу и изрек:

– Эксплуататор!

Так как дверь оставалась открытой, эту сцену наблюдали обе секретарши Пехлюван-бея, водитель Василий, бог знает, почему оказавшийся здесь, Людочка и еще несколько сотрудников, сбежавшихся на редкостный шум. Антон Ильич, все еще взвинченный и грозный, прошел, ни на кого не глядя, в свой кабинет и захлопнул за собой дверь. Вслед за ним преданно прошагали Людочкины каблучки.

Выждав четверть часа, Людочка аккуратно постучала в кабинет и тихонько вошла. В руках у нее был поднос с кофе и бутербродами.

– А-а... Людмила Григорьевна, благодарю вас, как нельзя кстати, – Антон Ильич, сидевший в задумчивости, подперев голову руками, отнял ладони от лица и чуть оживился. Людочка встала напротив, наблюдая, как он с удовольствием взялся за еду.

– Вы не переживайте из-за Пехлюван-бея, – произнесла она мягко. Антон Ильич встре-
пенулся и перестал жевать.

– Вы думаете?

– С ним все в порядке. Он уже ушел.

– Как ушел? Куда?

– Не знаю. Оделся и пошел. Василий его отвезти хотел, но он отказался.

– Ну тогда пусть Василий отвезет меня, – сказал Антон Ильич, возвращаясь к бутербро-
дам.

– На склад?

– Именно. Хочу, чтобы там сегодня же начали разгружать контейнер.

– Они уже разгружают, Антон Ильич.

– Уже? Кто ж им приказал?

Людочка заулыбалась.

– Ах, Людмила Григорьевна, вы чудо! Что же мне тогда, не ехать?

– Конечно, нет. Езжайте домой, отдохните. Завтра все уже будет в салоне, туда и поедете.

– Да, пожалуй, вы правы.

В кабинет постучали. Людочка по-хозяйски без спешки подошла к дверям и, не давая
стучавшему войти, вышла сама и прикрыла за собой дверь. Через минуту в кабинет просуну-
лась голова Василия.

– Антон Ильич! Машина готова!

– Да ну! Уже забрал? – Обрадованный, Антон Ильич даже приподнялся из-за стола.

– Уже, уже, – улыбнулся Василий. – Подогнать? – Антон Ильич закивал головой. Потом
встал, вытер рот салфеткой, взял портфель и нетерпеливо стал спускаться вниз.

«Ауди» темно-фиолетового цвета, длинная, благородная, представительная, сверкающая
на мокром от только что прошедшего дождя асфальте, стояла, будто живая, соскучившаяся по
езде, готовая взвизгнуть шинами и полететь. Антон Ильич, счастливый как дитя, провел рукой
по отполированному капоту, по сияющим, вычищенным от пыли кольцам, уселся за руль и
завел мотор.

– Гюн айдын! – раздалось вдруг.

От неожиданности Антон Ильич замер.

– Гюн айдын! – настойчиво повторили вновь, словно кто-то ждал от него ответа.

Антон Ильич нажал кнопку, достал из магнитолы диск и уже хотел кинуть его подальше
в бардачок, но передумал и жестом подозвал Василия, стоящего на ступеньках офиса.

– Что-нибудь не так, Антон Ильич? – беспокоился тот, бегом спускаясь к машине.

– На, выбрось это, – Антон Ильич отдал Василию диск, затем достал из бардачка книгу
с надписью «Учимся говорить по-турецки» и еще несколько дисков в упаковке.

– То есть как, выбрось, это ж новое все, Антон Ильич, – тараторил Василий, – это ж
учебник, может, пригодится еще...

– Мне не пригодится.

– Ну так девочкам, может, отдать, они ж вроде тоже учили что-то там...

– Ну девочкам и отдай.

Антон Ильич нажал на газ, машина послушно тронулась с места, выплыла со двора и
понеслась, гулко набирая скорость, по широкой дороге столичного проспекта.

Дело особой важности

Самолет пошел на снижение. Из иллюминаторов открывался изумительный пейзаж, достойный кисти художника: безбрежным океаном раскинулись плотные жемчужно-серые облака, лучи восходящего солнца искрились на ледяной глади, высвечивая очертания облаков то нежно-розовым, то лиловым светом. Вскоре самолет погрузился в самую пучину серо-сиреневой массы, и солнце на миг исчезло, но тут же засияло вновь, просвечивая насквозь ставшие теперь легкими и перистыми облака, между которыми кое-где проглядывалась темная зелень степей.

Антон Ильич залюбовался видом.

Полет был долгим, к тому же, несмотря на зарождающееся утро за окнами иллюминаторов, в Москве в это время было два часа ночи. Большая часть пассажиров спала. Антон Ильич же лишь отдохнул немного с закрытыми глазами, но уснуть так и не смог. Однако уставшим он себя не чувствовал: дело, по которому он направлялся в этот маленький промышленный городок, было особо важным, и потому, как всегда накануне ответственного события, Антон Ильич находился в приподнятом настроении – слегка взволнованный, но твердо настроенный на победу.

Летел он сюда не один. Напротив него, по другую сторону салона, опустив голову и не выпуская из рук пачку документов, которые намеревался было изучить, ритмично всхрапывал мистер Дональд Мак'Кэнахью, англичанин.

История взаимоотношений двух компаний – российской, в которой счастливо служил Антон Ильич, и английской, приславшей своим представителем упомянутого Мак'Кэнахью, тянулась вот уже третий год и, казалось, имела все меньше шансов увенчаться успехом.

Идея поставок российских материалов в Великобританию выглядела весьма перспективной и поначалу была воспринята с энтузиазмом обеими сторонами. За дело взялись с жаром: переговоры были проведены, бумаги подписаны, образцы продукции изготовлены и направлены на экспертизу. И тут англичан словно подменили. Испытания образцов они проводили месяцами в самых разных лабораториях, при этом непременно обнаруживая несоответствия и запрашивая новые, улучшенные модели, на изготовление которых снова уходили недели. За это время менялась ситуация на рынке, и сторонам по новой приходилось договариваться о ценах и прочих условиях. Затем англичане дотошно собирали информацию не только о производственных процессах, но и обо всей компании вообще, направляя российским партнерам длинные анкеты для заполнения, которые те по большей части даже не читали. Словом, несостоявшиеся поставщики вконец отчаялись когда-либо ударить по рукам и приступить к работе.

За три года Москву посетило с десятков сотрудников английской компании – специалистов и руководителей разных уровней и квалификаций. Мак'Кэнахью был, по крайней мере, четвертым, кто направлялся с проверкой на завод.

Сопровождать его поручили Антону Ильичу – то ли оттого, что поездка действительно обещала быть решающей, как искренне полагал Антон Ильич, то ли оттого, что дело было совершенно безнадежным.

В аэропорту высокую делегацию из двух человек встретили, как полагается, со всеми почестями. Переводчица Света помогла гостям разместиться в лучшей гостинице города. Согласно регламенту в одиннадцать их ожидал деловой завтрак с директором завода Иваном Игнатьевичем.

Антон Ильич бывал в этих краях не раз и потому не был удивлен размахом блюд, предложенным с утра: помимо дежурного омлета, горячих булочек, сыров и фруктов, на столе были блинчики с мясом, свежее испеченные ватрушки, жареные колбаски, селедка, соленые огурцы, моченые яблоки, маринованные грибочки, жареные грибы с луком и картошкой, пече-

ные овощи и, венец застолья, знаменитые мелкие пельмени домашнего приготовления со свежей деревенской сметаной. Все это предлагалось испробовать не скрывающему своего изумления мистеру Мак'Кэнахью, не забывая разбавлять еду традиционным горячительным напитком и недлинными тостами.

Иван Игнатьевич был радушен и угощал на славу. Видно было, что подобные приемы для него отнюдь не редкость и чувствовал он себя как рыба в воде. Без усталости, словно в первый раз рассказывал он о своем крае, о городке, о местных памятниках и традициях. Переводчица легко произносила привычные фразы, Мак'Кэнахью задавал дежурные вопросы, а Антон Ильич предавался завтраку, изредка включаясь в разговор. Только теперь он смог получше разглядеть англичанина.

Выглядел тот лет на сорок-сорок пять. Одет был в немодный клетчатый пиджак, мятую бледно-розовую рубашку и светлые вельветовые брюки. Держался весьма приветливо, на лице его то и дело блуждала ничего не значащая улыбка, а глаза, как у большинства европейцев, светились неумным интересом ко всему окружающему.

– Что ж, теперь поедem на завод? – осторожно поинтересовался Мак'Кэнахью, когда все трое мужчин, насытившись обильным завтраком, откинулись на спинках кресел.

– Не торопитесь. Спешить нам некуда. – Ответил Иван Игнатьевич.

– В регламенте написано... – начал было Мак' Кэнахью, извлекая из портфеля листок бумаги, но Иван Игнатьевич остановил его, дружески похлопав по плечу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.